

Весь Александр Островский

Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский

Драматическая хроника в двух частях

I

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ЛИЦА:

Князь Василий Иванович Шуйский.

Князь Дмитрий Иванович Шуйский.

Тимофей Осипов, дьяк из приказа.

Федор Конёв, купец московский.

Иван, калачник.

Афоня, юродивый.

**Московский, новгородские, псковские
купцы; подьячие, попы безместные, странники,
мелочные торговцы, разносчики и крестьяне.**

Сени в доме Василия Шуйского.

(19 июня 1605 года)

Купцы и подьячие сидят на лавках; простой народ — на полу.

1-й купец московский

Привел господь! Царевич прирожденный
На дедовских и отческих престолах
И на своих на всех великих царствах
Воссел опять и утвердился...

2-й купец московский

Чудо
Великое свершилось! Божий промысл
Изменников достойно покарал
И сохранил лепорожденну отрасль
От племени царей благочестивых.

Подьячий

Вот праздник-то! Такого не видала
Москва давно. В нарядах береженных,
С сияющим на лицах торжеством,
Идет народ веселыми стопами
В предшестве хоругвей и икон...

Конёв (Тихо.)

Антихриста встречать!

1-й крестьянин

А что народу!

Начни считать — умрешь и не сочтешь:

Идут и едут, и ползут и лезут.

2-й крестьянин

Пора-то вольная, в полях убрались,

Посеяли, а сенокос не вдруг...

Ну и сошлись...

3-й крестьянин

И все-то, братцы, рады

И веселы! Веселие такое,

Что об святой, в великий день Христов.

Конёв

Греха-то что! Греха-то что!

Подьячий

Болтали,

Что в Угличе царевича убили,

И верили тогда; а вот он с нами!

И, значит, Бог его соблюл для нас.

1-й крестьянин

Была молва, и прежде толковали,

Что Дмитрий, Углицкий царевич, жив...

Купец новгородский

В Москве молва, а в городах подавно...

Подьячий

И чуда нет, и нечему дивиться,
Что сохранил его Господь живого.

1-й купец московский

Никто тому и не дивится — знают,
Что Господу возможно все: он может
И мертвого из гроба воскресить.

Крестьянин

Само собой!

Странник

Уж если Бог захочет,
Так сделает.

Крестьянин

Ну, что и говорить!

1-й купец московский *(новгородскому)*

И веришь ли, когда пришли к нам вести
Про смерть царевича, рыданье слезно

По всей Москве пошло; заговорили,
Что легче нам опять царя Ивана
Мучительство, чем вовсе сиротать
Без царского потомства; хоть и жутко
Бывало нам, а все-таки мы знали,
Что он — царева отрасль, не холопья...
И вот опять потомство Мономаха
На грозный стол родительский вступает!

Поп

Веселие духовное и радость
Вселенская...

Конёв

Ну, радость не велика
Под клятвой жить! Святителя проклятье
Лежит на нас и чадах. Мы давно ли
Предстателя пред богом, патриарха,
Во время службы, в полном облаченье,
Свели с амвона, рублищем одели,
По улицам позорно волокли?!
И поднял он на нас свою десницу,
И проклял всю Москву и в ней живущих,
И, точно камнем. придавил нам души
Проклятием... Дела и мысли наши,
Утробы все проклятием покрыты;
Молитвы наши к Богу не доходят...

Подьячий

Ты не болтал бы громко при народе,
А то как раз в застенок попадешь.

Молчание.

1-й крестьянин

Ахти, грехи! Ох, Господи помилуй!

2-й крестьянин

Хоть пожевать чего бы, скуки ради.

3-й крестьянин

Вон у него за пазухой отдулось...

Что у тебя: мошна али коврига?

1-й крестьянин

Моя мошна-то по людям пошла,

Да и домой нейдет.

2-й крестьянин

Ты, видно, тоже

Бессребреник?

1-й крестьянин

Наг золота не копит!

Краюха есть в запасе, часом с квасом,
А то и так. С утра пошел из дома,
А брюхо — враг — вчерашнего не помнит.

2-й крестьянин

Тащи ее, ломай да нам давай!
Поделится!

Поп

Не о едином хлебе...

1-й купец

Да тише вы!

Подьячий

Вот дурья-то порода!
В боярские хоромы затесался,
Сидит, как гость; кадык-то свой распустит,
И не уймешь; не мимо говорится:
«Ты посади свинью...»

1-й крестьянин

Ты не гневися!
Мы замолчим: робята, жуйте тише!

Молчание.

2-й крестьянин

Чем так сидеть, давай перебиваться.

1-й купец

Да что вы, в хлев зашли?!

Подьячий

Позвать холопей

Да вытолкать вас в шею за ворота.

Входят калачник и юродивый.

Калачник

Судьям, дьякам и вам, отцы честные,

Гостям-купцам и прочему народу —

До матери сырой земли поклон.

(Садится на пол.)

Убогонький, садись со мной рядком!

Юродивый

Антихриста боюсь!

Конёв

А разве скоро,

Афоня, ждать его?

Юродивый

Пришел неожиданный!

1-й купец московский

Не надивлюсь! Боярин, князь Василий
Иванович, людей торговых лучших
Равняет с площадными торгашами;
Идет к нему и умный и безумный,
И скоморох и думный дворянин.

Калачник

Да ты зачем к боярину-то ходишь?
Ума занять?.. А я своим торгую
По мелочи. Эх, бороды большие,
Вы рады бы простой народ заесть,
Да воли нет!

Мелочной торговец (калачнику)

Куда тебя носило?
Ни по торгам, ни в лавках не видать...

Калачник

Я в Туле был.

Мелочной торговец

Зачем?

Калачник

Хотел в казаки...

Юродивый

Казак — поляк!

Калачник

Полякам да казакам

Житье пришло, Афоня; царь Димитрий

Вперед бояр к руке их допускает.

Бояр казаки чуть не бьют...

Юродивый

Боярин —

Татарин!

Калачник

Что за диво, что бояре —

Татаровья: царем татарин был!

1-й купец московский

Что было, то прошло! Теперь Димитрий

Иванович, царевич благоверный

От племени Владимира святого...

Юродивый

В могилке Дмитрий!

Подьячий

Мы тебе, блаженный,

И руки свяжем, да и рот замажем...

Калачник

Он простенький, с него взыскать нельзя.

Конёв *(даёт серебряную копейку юродивому)*

Блаженный, на копеечку! Молися

О грешных нас!

Мелочной торговец *(калачнику)*

Ты говорил, в казаки...

Калачник

Охотой шел; да не горазд, сказали...

Мелочной торговец

Чего ж не стало?

Калачник

Воровать не ловок!

Чем воровать, так лучше торговать

Я золотыми, угорскими стану.

Цена теперь хорошая на них:
Нужда пришла царю нести в подарок.

1-й купец московский

А калачами полно?

Калачник

Пользы мало.

Вот накупи ты польских кунтушей,
Так наживешь, товар не залежится!..
Идет молва, что князь Рубец-Масальский,
Петр Федорыч Басманов и другие
Хотят свои боярские кафтаны
На кунтуши сменять...

Подьячий

Язык-то длинно

Ты распустил, держал бы покороче.

Входят Осипов и дворецкий.

Осипов

Так не бывал?

Дворецкий

Всё там еще покуда,

В Коломенском стану, у государя.

Осипов

А скоро быть, ты чаешь?

Дворецкий

Да пора бы;

Ты погляди, его боярску милость

Народу сколько ждет — скопились.

Осипов

По́ что?

Дворецкий

Наехали из Новгорода, Пскова

Посадские царевича встречать,

Московские торговцы площадные,

Крестьянишки из ближних деревень,

Попы без мест, дьячишки из приказов,

Убогие и всякие сироты,

И деловой и шлющийся народ.

Не всякий видел очи государя

Димитрия Иваныча, так лестно

У нашего боярина проведать

Про царское здоровье; не слышать ли

Про милости какие для народа...

Не обессудь! Шум некакий в воротах,

Так побежать... Все как-то не на месте

Душонка-то холопская; все мнится,

Что вот наедет... Обожди часок.

(Уходит.)

Осипов *(у окна)*

Приехал князь.

Все встают.

Калачник *(у окна)*

А что-нибудь неладно!

Угрюм старик, нависли брови тучей,

Глаза горят и скачут. Ну, сироты,

Не лучше ль нам собраться восвояси,

С добра ума, покуда не прогнали?

1-й купец московский

Прогонит раз, придем к нему в другой.

Подьячий

Тебе нужда, а у него их двадцать,

Да не чета бездельным нашим требам.

Все

Да знамо, знамо, что и говорить! —

Такие ли его дела!

Подьячий

Так часом

И не до нас... И отдохнуть захочет
От дел житейских.

1-й купец

Человек бо есть.

Калачник

То недосуг, то гневен, ну и в шею,
Не погневись.

Подьячий

Да хоть и погневися,
Кому нужда, кого ты испугаешь?

Поп

Смирен боярин, яко голубица,
И благости исполнен, претворяет
Свой гнев на милость вскоре, по писанью:
«Не зайдет солнце в гневе вашем...»

Калачник

Ну, брат,
Ты не скажи!

Дворецкий входит.

Дворецкий

Идет боярин, тише!

Входит Василий Шуйский; все кланяются по несколько раз в землю.

Василий Шуйский (в раздумье
останавливаясь перед Осиновым)

Никто, как Бог! Никто, как Бог!

Осипов

Боярин!

О здравии твоём позволь проведать!

Василий Шуйский (*оглядывает всех, потом кивает головой к дверям*)

Дворецкий из-за него машет рукой.

Я позову, кого мне нужно будет.

(Садится к столу; все уходят, кроме Осипова.)

Осипов

Коль не в пору, так я и ко двору.

Василий Шуйский

Нет, обожди часок! За прегрешенья
Казнит Господь рабов своих не редко,
Да все не так же! Горе всем живущим!

Молчание.

Ты был в стану?

Осипов

Я быть-то был...

Василий Шуйский

Ну, что же?

Осипов

Смешение языков, песни, грохот,
Пальба, стрельба, бесовское гуденье!
Далеко гул идет по чисту полю,
И мать сыра-земля верст на семь стонет;
Для русского крещеного народа
Позорище противное зело!

Василий Шуйский

Царя-то видел?

Осипов

Точно ефиопы,
Кругом него поляки, да черкасы,
Да казаки донские оттирают
И поглядеть поближе не дают.

Молчание.

Василий Шуйский

Ну, что ж молчишь?

Осипов

Спросить бы, да не смею.

Василий Шуйский

Чего бояться! Развяжи язык!

Осипов (*подвигаясь к Шуйскому*)

Чернец?

Василий Шуйский

Ну нет, не чернецом он смотрит...
Ошиблись мы с Борисом. Монастырской
Повадки в нем не видно. Речи быстры
И дерзостны, и поступью проворен,
Войнолюбив и смел, очами зорок,
Орудует доспехом чище ляхов

И на коня взлетает, как татарин;
А чернеца не скоро ты обучишь
Вертеть конем ногайским или саблей.

Осипов

Умом я прост, а душу соблюдаю,
Геенского огня боюсь безмерно!
Скажи, кому мы крестным целованьем
Свою навеки душу заручили?

Василий Шуйский

Он — вор, не царь
, и сходства очень мало
С покойником; не царская осанка,
Вертляв, и говорлив, и безбород,
Обличие и поступь препростые,
Не сановит, да и летами старше.

Осипов

А кто ж бы он? Ты как мекать изволишь?

Василий Шуйский

Крестись, Тимоша!

Осипов

С нами крестна сила!

Василий Шуйский

Антихрист он или его предтеча.

Осипов

О Господи помилуй! Эко слово
Ты вымолвил!

Василий Шуйский

И верить и не верить
Ты сам волен.

Осипов

Василий, свет Иваныч,
Не мучь меня! Душа велико дело.

Василий Шуйский

Не знаю, друг, похоже-то похоже,
А заверять не стану: ошибешься,
Да и тебя введешь в обман и грех.
Что он поляк и езовитской веры —
Вот это верно, Бог тебе порукой.

Осипов

Боярин, ты убил меня! Ну, как же
Еретику служить! Святая церковь
Противиться велит до смерти крестной.

Василий Шуйский

Ты что толкуешь! Умирать за веру!
Тебя ли хватит на такое дело!

Осипов

В моей душе ты не бывал, боярин.

Василий Шуйский

Ты не смеши!

Осипов

Ты погоди смеяться,
Не торопись.

Василий Шуйский

Вот новый страсотерпец!
В московские угодники задумал?
Не к рылу честь! Таких речей нелепых
Ни говорить, ни слушать непригоже...
Служи Царю по крестной клятве, вправду,
И всякого добра ему желай!
Ты — молодой слуга, себе ты должен
Искать богатства и служилой чести!
Покаешься под старость во грехах;
Служи пока мамону!

Осипов

Ты, боярин,
Меня в тоску вогнал и закручинил,
До слез довел; мне жизнь теперь постыла.

Василий Шуйский

Назавтра въезд, так приходи к пречистой,
Ко всенощной, молиться за царя!

Осипов

Прости, боярин. Эко дело, право!

(Уходит.)

Входит дворецкий.

Василий Шуйский

Пусти Конёва!

Дворецкий уходит, входит Конёв.

Что, Конёв, ты скажешь?

Конёв

Да что сказать! В миру погибла правда,
Простор врагу. Бесовское мечтанье
Осúтило проклятую Москву.
Ослеп народ, и смотрит, да не видит!

Царевичем расстригу величают.

Василий Шуйский

Неужто все?

Конёв

Да, почитай что все:

Крестьяне сплошь, торговцы мелочные,

Разносчики и площадная голь

От радости ликуют — даровое

Зачуявши вино. Из нашей братьи,

Торгующих, боярин, двое только

Шатаются! и верят, и не верят...

Привел к тебе.

Василий Шуйский

Да люди-то надежны ль?

Конёв

Церковные строители, любимцы

И ближние святому патриарху,

Ревнителю о православной церкви.

Василий Шуйский

Ну, милости прошу. Пускай войдут.

Конёв (*отворив дверь*)
Не бойтесь боярина, идите!

Входят двое купцов.

Василий Шуйский
Какое ваше дело?

1-й купец
Мы — сироты,
За спасеньем пришли к тебе, боярин.

Василий Шуйский
Я вам не поп!

1-й купец
К святому патриарху
Ходили мы, бывало, за советом
О всех делах, духовных и мирских...

2-й купец
Женить ли сына, дочь ли выдать замуж,
Когда купить, когда продать товары
Повыгодней — за всем к нему ходили.

Василий Шуйский
Чего же вам?

1-й купец

Пришли за утверждением.

На чем стоять...

2-й купец

Ты вместо патриарха

Отцом нам будь! Наставь и накажи!

Василий Шуйский

Какого же вы, братцы, наказанья

Желаете?

1-й купец

Доподлинный царевич

В Коломенском иль вор и чернокнижник —

Смущаемся.

Конёв

Уверь ты их, боярин,

Не верят мне, что вор, расстрига, Гришка,

Богданов сын, Отрепьев, по совету

Дияволу на царстве утвердился.

1-й купец

Боярин, так?

Василий Шуйский

Чего же вам еще!

2-й купец

Отрепьев ли?

Василий Шуйский

Отрепьев.

1-й купец

Побожися!

Дай руку!

Василий Шуйский

Вот рука, зачем божиться!

Я целовал икону всенародно

И с лобного сказал, что он — Отрепьев.

Конёв

Ну, слышали?

1-й купец

Спасибо, князь Василий

Иванович! Не погневись за нашу

Любовь к тебе и дурость! Мы за ласку

Боярскую челом тебе! Напредки

Не оставляй нас, мужиков...

2-й купец

Боярин,

А жить-то как? Приказывай! Что скажешь,

Тому и быть.

Василий Шуйский

Живите как хотите.

Терпи, поколь потерпится.

1-й купец

А если...

Василий Шуйский

Никто, как бог, и кончен разговор.

1-й купец

Мы в Старицу собираемся, боярин,

В темнице патриарха навестить.

Допустят ли нас к Иову?

Василий Шуйский

Пытайтесь!

Конёв

Не будет ли приказу от тебя?

Василий Шуйский

Приказу нет. Поклон земной сvezите

(кланяется, касаясь рукой до земли)

И нерушимое благословенье
Мне попросите!

Конёв и купцы

С миром оставайся!

Уходят.

Василий Шуйский (один)

Сегодня трое, завтра будет больше,
А через месяц вся Москва — моя.
Безвестный царь, бродяга безымянный,
Душой поляк: как девка, малодушен;
Как малолеток, падох на утехи;
Как скоморох, без разума проворен;
Как пьяный дьяк, болтает без умолка.
Он вскормленник прямой панов
хвастливых!
Недолго ждать, он прыть свою покажет,
И скоро люд московский, православный,
Бесчиния такого на престоле
Насмотрится, чего во сие не снилось!
Забвения отеческих преданий,

Кошунства иноземцев над святыней,
На грозном троне шутовских забав
Народ не любит. Грозному Ивану
Народ простил распутства, злодеянья,
Мучительства безропотно стерпел —
За сановитость царскую, за строгость
Его лица и поступи, за чинность
И набожность. Москва привыкла видеть,
Как царь ее великий, православный,
На высоте своей недостижимой
Одной святыне молится с народом,
Уставы церкви строгие блюдет,
По праздникам духовно веселится,
А в дни поста, в смиренном одеянье,
С народом вместе каяться идет;
Но скомороха на престоле царском
Терпеть не станет! Рано или поздно
Бродяга, царь московский самовольный,
Поплатится удалой головой.
Потом... потом... я — царь. Начнется снова
И благолепие, и чинность, и порядок.
По-старому мы царствовать начнем,
По-старому, в день нашего венчанья,
По всей Руси, под колокольный звон,
Польются милости народу щедро;
По-старому грозить полякам будем,
Пугать татар; по-старому... бояться

Изменников!., волжбы и чародейства!
По-старому... боярская крамола!
О Господи!., измены да опалы!
Ха-ха, ха-ха! Тревоги да крамолы!
Бояться их? Рожденному на троне
Тяжка она — корона Мокомаха!
А мне, рабу, холопу Годунова,
Почувствовать себя хоть раз владыкой,
Почувствовать, что между мной и Богом
Ни власти нет, ни силы! О!.. Каких же
Тревог, забот я побоюсь, какими
Крамолами во мне смутится сердце!
Решился я! Отныне каждый помысл
И каждый шаг ведут меня к престолу;
Умом, обманом, даже преступленьем
Добьюсь венца. О Господи! помилуй
Нас, грешников!

(Молчание.)

Богданка, где ты?

Входит дворецкий.

Дворецкий
Ась?

Василий Шуйский

Зови народ! Кого, чего им нужно?
Калачника с блаженным на поварне
И накормить, и ночевать оставить,
И рано утром привести ко мне.

*Дворецкий отворяет дверь; входят купцы,
подьячие, странники и проч.*

Василий Шуйский

Ну, живы ль вы?

Купцы

По милости Господней!

Василий Шуйский

Ходили в стан?

Купцы

Ходили. — Все ходили.

Василий Шуйский

А грамоты вам чли? Царевич Дмитрий
И пошлины и подати во льготе
И облегченьи учинить велел.
По милости своей и по совету
Бояр великих. Ну! Вы рады?

Купцы

Рады —

Благодарим небесного Царя.

Василий Шуйский (*прочим*)

Крестьяне, вам, и вам, отцы честные,

И вам, и вам всем будет хорошо!

(Купцам.)

Ну, вот у вас и денег больше будет,

И животных прибудет.

Купцы

Мы, боярин,

От радости себя не помним.

Василий Шуйский

То-то ж!

За деньги-то смотрите не продайте

Чего другого, что дороже стоит.

Купцы

Хоть умереть, а не понять ни за́ что

Твоих речей.

Василий Шуйский

Захочешь, так поймешь.

Душа нужна, а деньги — тлен.

Подьячий (*подавая свиток*)

Боярин,

Я, многогрешный Богови и грубый,

Писанием предати покусихся —

Читающим на пользу и на память —

Восшествие исконного царя

На прародительские царства, еже

Очима видехом...

Василий Шуйский

Запел ты рано!

Не торопись! Не в сутки город строят.

Не под дождем, мы лучше подождем.

(Отдает свиток)

Ты через гол приди, и почитаю.

Купец

Кругом царя мы иноверцев видим;

Дозволь спросить, прилежен ли Димитрий

До церкви Божьей?

Василий Шуйский

Царь благочестивый

И набожный: с ним два попа латинских...

Ну, с богом! Эй, Богданка! Бочку меду

Им выкати! Да потчуй хорошенько.

Чтоб пили все за царское здоровье.

(Машет рукой, все уходят с поклонами.)

Входит быстро Дмитрий Иванович Шуйский.

Дмитрий Шуйский

Василий, брат, за что же ты остаток

Широкого и славного потомства

Василия Кирдяпы вдосталь губишь!

Последние мы четверо остались

Без племени...

Василий Шуйский

Да что как угорелый

Ты мечешься?

Дмитрий Шуйский

Из стана я, Василий...

Душа моя во мне заволодела.

Послушай ты меня!

Василий Шуйский

Тебя послушать.

Так доброго не ждать! Ты, Дмитрий, глуп.

Дмитрий Шуйский

Я глуп не глуп, а голову жалею.

В запасе нет, всего одна на плечах.

Вот ты умен, а над собой не видишь

Погибели. Четвертый день мы ездим

С поклоном в стан, а проку что? Все хуже:

Между бояр смешки идут да шепот;

А царь, что день, грознее да грознее.

Чем это пахнет? Плахой либо ссылкой

И печною опалой!

Василий Шуйский

Плакать, что ли,

И кланяться?

Дмитрий Шуйский

Иди скорей на площадь,

Сбирай народ, клянись перед иконой,

Что в Угличе ты хоронил другого;

Что Дмитрий жив, что подлинный царевич,

Царя Ивана сын, на трон вступает!

Винись во всем; скажи, что страха ради

Борисова вы лгали с патриархом.

Иди теперь, а завтра будет поздно.
Богдашка Бельский да Голицын Васька
По площадям и в улицах московских
Одно твердят, что Шуйский с патриархом,
Изменники царицы, обманули
И довели до клятвопреступленья
Народ в Москве; а ты молчишь и губишь
Себя и нас!

Василий Шуйский

А чем же мне заплатят
За ложь мою? Насмешками, что поздно
Опомнися, что раньше нужно было
Покаяться. Меня на то и ловят,
Да не поймать! Я даром лгать не стану.
Я хоронил царевича; я знаю,
Кто жив, кто нет; один я правду знаю...
Им ложь нужна, а я почет люблю.
Я подожду, куда мне торопиться;
Придет пора, и правда пригодится.

Дмитрий Шуйский

Опомнись, брат! Мы на волос от смерти.

Василий Шуйский

Уж лучше смерть; позор еще тяжеле!
Не сладко жить без чести, быть холопом

Басманова и Бельского с Масальским!
А говорят: «Спесивый Дмитрий Шуйский!»
Ну где же спесь твоя! Лишь в том, что
кверху
Ты бороду дерешь, да слова толком
Не вымолвишь, ворчишь, как кот запечный!

Дмитрий Шуйский
Да не до жиру, брат, а быть бы живу!

Василий Шуйский
Не Шуйский ты! Наш род в последних не
был;
Немало нас погибло смертной казнию;
Мы шли на смерть, а чести не теряли.

*Благовест. Василий Шуйский крестится,
берет шапку и трость.*

Ко всенощной! Помолимся усердно
Пред Господом о крепости и силе
В борьбе с врагом. Для нас теперь,
Димитрий,
Нет выбора другого: или плаха,
Иль золотая шапка Мономаха!

Уходят.

СЦЕНА ВТОРАЯ

ЛИЦА:

Дмитрий Иванович, *самозванец.*

Мстиславский, *князь Федор Иванович.*

Шуйский, *князь Василий Иванович.*

Шуйский, *князь Дмитрий Иванович.*

Голицын, *князь Василий Васильевич.*

Воротынский, *князь Иван Михайлович.*

Куракин, *князь Иван Семенович.*

Рубец-Масальский, князь Василий

Михайлович,

Басманов, *Петр Федорович.*

Бельский, *Богдан Яковлевич.*

Ян Бучинский, *секретарь Дмитрия.*

Яков Маржерет, *капитан немецкой роты.*

Корела, *донской атаман.*

Куцька, *запорожский атаман.*

Савицкий, *иезуит.*

Конёв.

Калачник.

Десятские, венгры, поляки, запорожцы, казаки, татары, немцы, польские латники, бояре, дворяне, купцы, стрельцы и всякий народ обоего пола.

Кремль.

(20 июня 1605 года)

Налево дворец, направо Архангельский собор; у Красного крыльца Маржерет и немецкая стража; от крыльца до собора стрельцы и польские латники. Вся площадь и здания покрыты народом; впереди, между народом, Конёв и калачник. Колокольный звон и музыка. Бояре: Мстиславский, Василий и Дмитрий Шуйские, Воротынский, Голицын, Куракин, Масальский, Бельский — выходят из Успенского собора и становятся подле крыльца. Мстиславский, в сопровождении двух бояр, идет во дворец и возвращается с хлебом и солью. На ступенях крыльца Савицкий.

Голоса в народе

К Архангелу, к родителям пошел!

1-й голос из народа

Какой народ за ним! Все в разном платье.

2-й голос из народа

Известно кто: черкасы, угры, ляхи.

1-й голос из народа

Крещеные?

2-й голос из народа

А кто их знает!

Конёв

Бесы.

1-й голос из народа

Ну, полно ты! Бесов сейчас узнаешь.

Конёв

Отведены глаза, на нас мечтанье
Напущено.

Калачник

А ты узнаешь беса?

Так вон гляди! как есть в своем наряде.

(Показывает на Савицкого.)

1-й голос из народа

И то ведь бес. Смотрите-ка, робята!

Конёв

Мы прокляты, живем без благодати,
И волен бес над нами: патриархом
Мы отданы ему во власть; он кажет

Что хочет нам, а мы глядим и верим.

1-й голос из народа

Да вправду ли?

Конёв

Молчи да слушай, глупый!

Басманов выходит из Архангельского собора.

Басманов

Десятские и сотские, смотрите,
Чтоб тесноты от множества народа
Не сталося, да накрепко блюдите,
Чтоб пустотных речей не говорили.
А буде кто лишь только заикнется
О вымысле нелепом Годунова
И патриарха, взять его скорее
За приставы, потом ко мне привести.

Калачник

Боярин наш Петр Федорыч, сироты
Мы бедные, дозволь взглянуть поближе
На батюшку, на наше солнце красно.

Басманов

Ты кто таков?

Калачник

Калачник, государь.

Басманов

Почем меня ты знаешь?

Калачник

Как, боярин,

Не знать тебя? Кто всех бояр храбрее?

Кто всех умней? Петр Федорыч Басманов.

Басманов

Ты с виду прост, а не дурак, я вижу.

Ну, рад ли ты, калачник, государю?

Калачник

Уж так-то рад, что и сказать нельзя;

Пригожих слов, по глупости, не знаю.

Басманов *(десятскому)*

Пустить его поближе.

(Отходит.)

Калачник *(десятскому)*

Я, робята,

Вам помогать.

Десятский

Ну ладно, встань вот здесь,
Поталкивай, осаживай назад!

Мстиславский *(на крыльце)*

Веселый день, играет солнце красно
На золоте крестов церковей соборных.

Голицын

Пора взыграть и солнышку над нами!
В час утренний, с высоких сих ступеней,
При ярком блеске солнца над Москвой,
Прошедшее каким-то сном тяжелым,
Мучительным, минувшим невозвратно,
Мне кажется. Великие потомки
Князей удельных и бояр исконных,
Мы не жили, мы только трепетали:
Не сон ли то, что царь Иван нарочно,
По выбору, губил мужей совета
И воевод, бестрепетных во бранях?

Куракин

Ему царей татарских покоряют
И города немецкие берут,
От крымских орд Москву оберегают,
А он, едва опомнившись от страха,

На сковородах железных воевод
Огнем палит и угли подгребает!

Воротынский

Напомнил ты родителя кончину,
Победоносца князя Михаила
Иваныча, спасителя России,
И опечалил сыну ясный день.

Бельский

А легче ль нам от Годунова было?
Ты то скажи, Ивана-то оставь.

Голицын

Терпели мы владык своих законных
Столетний гнев, потомков Мономаха,
А выходцев ордынских с корнем вон.

Бельский

Ох, речи смелы!

Голицын

Время таково.
Ты не привык; ну, ничего, привыкнешь.

Куракин

К мучительству труднее привыкать,

А к воле легче.

Голицын

Да, настало время
Вздохнуть и нам. Димитрий, Богом данный,
Видал иные царства и уставы,
Иную жизнь боярства и царей;
Оставит он татарские порядки;
Народу льготы, нам, боярам, вольность
Пожалует; вокруг трона соберет
Блистательный совет вельмож свободных,
А не рабов, трепещущих и льстивых,
Иль бражников опричнины кровавой,
На всех концах России проклятой.

Мстиславский

Веселый день!

Василий Шуйский

И царь у нас веселый:
Сам молится, а музыка играй!
Повеселить отцов и дедов хочет.
Давно они в тиши гробниц смиренно,
Под пение молебное, под дымом
Кадильных ароматов, почивают
И музыки доселе не слышали...
Прими, Господь, и упокой их души,

Князей великих, сродников моих,
Царей, цариц и чад их благоверных,
Скончавшихся и здесь похороненных,
Царя Ивана, Федора-царя!

Мстиславский

Неладно, князь Василий, княж Иваныч!
Ты знаешь сам, в день радости царевой
Речей и лиц печальных не бывает;
Все веселы.

Василий Шуйский

Промолвился оплошкой.

Бельский

В церквах поют заздравные молебны,
А он оплошкой панихиду начал.

Басманов

О здравии молись! За упокой-то
Ты сродников своих помянешь после.

Масальский

Ты подожди родительской субботы.

Дмитрий Шуйский

Обмолвился, не всяко лыко в строку

Бельский

Царя Ивана рано позабыли:
Оплошек не было; за них он на кол
Сажал, бывало.

Василий Шуйский

Нет, Иван-то только
Приказывал, сажал-то ты с Малютой
Скуратовым.

Мстиславский

Молчать бы нам, бояре,
Пригожее.

Василий Шуйский

Я замолчу, я смирен.

Басманов

Не бойся злой собаки, бойся смирной.

Куракин (*тихо Голицыну*)

А Бельский все Ивана вспоминает;
Кому что мило, тот про то и грезит.

Голицын

У них в крови с Басмановым холопство;

По их уму: не хам — так не слуга.

Масальский (*тихо Басманову*)

А Шуйский все родней своей кичится.

Басманов

Как ни кичись, родней родного сына

Не сделаться.

Дмитрий Шуйский (*тихо Василию Шуйскому*)

Голицыным все воли

Недостает.

Василий Шуйский

По Курбскому пошли;

Литва мила, завидно панам-раде!

Десятские (*у собора*)

Идет, идет! — Давай дорогу шире! —

Проваливай!

Калачник

Да ты лупи их крепче!

Затылок наш к побоям притерпелся.

Ты православной шеи не жалей!

Дмитрий выходит из собора, за ним бояре и дворяне, Бучинский, поляки, венгры, запорожские и донские атаманы Корела и Куцька. Звон и музыка.

Весь народ

Отец ты наш! ты наше солнце красно!

Мстиславский

Пресветлый царь и князь великий Дмитрий Иванович!

*Дмитрий останавливается пред
Маржеретом.*

Василий Шуйский

Не торопись, поспеешь!

Боярам честь потом, а немцам прежде.

Дай с немцами ему наговориться.

Дмитрий

Ну, Маржерет, мой храбрый капитан!

Вы — молодцы, вы бьетесь лучше русских.

Ты — мой слуга! Я знаю, ты не станешь

Жалеть врагов моих; а так же больно

Побьешь и их, как нас тогда побили

В Добрыничах. Ты что на это скажешь?

Маржерет

Votre majesté!¹ Доколе капля крови
Французская останется во мне,
Я ваш слуга; я только жажду часу,
Чтоб показать пред вашими глазами
И преданность французскую и храбрость,
И умереть пред вашим Majesté!

Дмитрий

Добрынской битвы долго не забудешь!
Побили нас! О боже, як побили!

(Обращаясь к Куцьке.)

Надейся вот на этих атаманов;
Вы, лыцарство, всех прежде утекли.

Куцька

Да дуже ж бьются нимци, вражи диты.

Дмитрий

Вперед бегут, как дурни, запорожцы;
За ними вслед донские казаки.

¹ Ваше величество! (*франц.*)

Корела

И побежишь! Крещеные мы люди,
А немцам что... им черти помогают.

Куцька

Ось так! Ось так! Корела правду каже,
Як бы не бис, мы б, мабуть, не втекли.

Дмитрий (*Маржерету*)

Придет пора, тогда тебя я вспомню;
Я здесь, в Москве — среди своих детей,
И мне не нужно иноземной стражи.
А вот начнем войну с султаном турецким,
Тогда пойдем, мой храбрый Маржерет,
Зубрить мечи и бердыши стальные
О бритые затылки бесермен.
Мне хочется померяться с тобою;
Ты храбр, а я завистлив; ты, я знаю,
Доволен будешь мной, jak boga Kocham! ²

Маржерет

Vive l'empereur! ³

(*Солдатам.*)

² клянусь богом! (*польск.*)

³ Да здравствует император! (*франц.*)

Ruft: «Hoch! vivat der Kaiser!»⁴

Немцы

Vivat! hoch! hoch!

Калачник

Заохали, собаки.

В народе смех.

Мстиславский

Пресветлый царь и князь великий, Дмитрий
Иванович, всея России, Божьим
Произволением чудно сохраненный
И покровенный крепкою десницей
Наш государь и самодержец, ныне
Пожалуй нас, вступи в свои хоромы
И на отеческом престоле сядь!

Дмитрий

Мне Бог вручил московскую державу
И возвратил родительский престол.
От юных лет невидимую силой

⁴ Кричите: «Да здравствует император!» (нем.)

Я сохранен для царского венца.
Изгнанником безвестным я покинул
Родной земли пределы — возвращаюсь
Непобедимым цесарем, карая
Врагов своих и милуя покорных.
И радостно вступаю в отчий дом
Творить и суд и милость. Вам, бояре,
Мы скажем завтра жалованье наше.
Сегодня пир; гостей иноплеменных
Мы удивим московским хлебосольством.

(К народу.)

По площадям велю вина поставить —
Гуляйте все с утра до поздней ночи
На радости о нашем возвращенье.

Народ

Храни тебя Господь на многи лета
И одоленье даруй над врагом!

Бельский

Великий царь, дозвожь ты мне, холопу,
Усердие явить перед тобою!
Мы, государь, с Барановым, с Масальским
Хотим скакать к народу — благо, много
Сошлось его с окольных деревень —

И с лобного поклясться всенародно

(срывая с шеи крест),

Целуя сей животворящий крест,
Что ты наш подлинный царевич Дмитрий,
Почившего царя Ивана сын.

Дмитрий

Зачем скакать и всенародно клясться!

Народ меня не позабыл и любит.

Ты видел сам сегодняшнюю встречу,

И моего приказу нет тебе.

Но если ты усердствовать желаешь,

Благодарю, я воли не снимаю.

Скачи к народу, говори, что знаешь...

Идем навверх!

Иезуит

Te Deum laudamus! 5

Дмитрий

За нами, pater! 6

5 Тебя, бога, хвалим! (*лат.*)

6 6 отец! (*лат.*)

Уходит во дворец, за ним Мстиславский,
Голицын, Дмитрий Шуйский, Воротынский,
Куракин и другие; Василий Шуйский
останавливается на слова Бельского.

Бельский (Басманову)

Едем!

(Шуйскому.)

Князь Василий!

За нами, что ль? Оно бы не мешало

Поправить грех, покаяться народу.

Василий Шуйский

Не ты б молол, не я бы это слушал!

Тебе учить меня не довелось.

Я стар, Богдан, да на подъем не легок.

Басманов и Масальский помоложе,

И молода боярская их честь.

Ну, пусть они и скачут вперегонку

С черкасами и польскими панами;

А мне с Мстиславским в царские хоромы —

Хозяина встречать.

(Остальным боярам.)

Идем, бояре!

Уходят.

Бельский

Петр Федорыч, ты — ближний государю,
Ужли стерпеть обиду от Василья?

Масальский

Не выдай нас! Тебе стерпеть обиду,
Так нам житья от Шуйских не видать.

Басманов

Нет, я не дам себя обидеть даром,
Не дам себе дорогу перейти.
Я поклялся царю и государю
Беречь его и выводить измену;
Изменников найду я в думе царской
И выведу царю измену их.

Подходит десятский.

Чего тебе? Что надо?

Десятский

Мы, боярин
Петр Федорыч, купчину изымали:
Мутил народ и пустотные вести

Рассказывал о старом патриархе.

Басманов

Кто он такой?

Десятский

Прозванием — Конёв.

Басманов

Хоть побожусь, что он подослан Шуйским.

Ко мне его, а вечером к допросу.

Поедемте!

(Полякам.)

Поедемте, паны!

Бучинский

Пахóлик ⁷, кóня!

Запорожцы

Хлопци! Кóней живо!

Уходят.

⁷ Слуга (от польск. *pacholek*)

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

ЛИЦА:

Дмитрий Иванович, *самозванец.*

Басманов, Петр Федорович.

Савицкий, *иезуит.*

Ян Бучинский, *секретарь Дмитрия.*

Золотая палата.

(21 июня 1605 года)

Дмитрий и Басманов входят.

Дмитрий

Так вот она — палата крепкой власти
И грозных дум, святой и неприступный
Приют царей!.. По золотому полю
Тяжелое и строгое письмо...

Так прочно все, такое вековое!

Вот старый трон; на нем мой брат Феодор

Сидел в мечтах о житии небесном,

О царственных заботах не радея.

Отец Иван для буйств своих татарских

Святую тишь палаты покидал

И в слободе кроmeshной запирался;

А здесь сидел, посаженный для смеха,

Крещеный царь татарский, богомольный,

Судил народ и жил благочестиво...
Где он теперь?

Басманов

Про князя Симеона
Ты спрашивать изволишь? Годуновым
Он сослан был: Борис его боялся.
Он в вотчине, в Кушалине селе;
Слепой старик, едва волочит ноги.

Дмитрий *(с усмешкой)*

Великий князь и царь всея России —
В изгнании! Гонцов к нему отправить,
Привезть опять в Москву с большим
почетом
И величать по-прежнему царем.

Басманов

Но, государь...

Дмитрий

Басманов! Мне ль бояться
Татарина! Я не Борис. Я милость
Дарую всем опальным годуновским!
Довольно мук, Басманов! Ныне милость,
Одна лишь милость царствует над вами.

Басманов

Ты милостью себя навек прославишь,
Но без грозы ты царством не управляешь.

Дмитрий

Не диво мне такие речи! Править
Вы знаете одно лишь средство — страх!
Везде, во всем вы властвуете страхом:
Вы жен своих любить вас приучали
Побоями и страхом; ваши дети
От страха глаз поднять на вас не смеют;
От страха пахарь пашет ваше поле;
Идет от страха воин на войну;
Ведет его под страхом воевода;
Со страхом ваш посол посольство правит;
От страха вы молчите в думе царской!
Отцы мои и деды, государи,
В орде татарской, за широкой Волгой,
По ханским ставкам страха набирались
И страхом править у татар учились.
Другое средство лучше и надежней —
Щедротами и милостью царить.

Басманов

Великий царь, являй свои щедроты
И милости несчетные; но, ради
Сирот твоих, для нашего покоя,

Жалей свою венчанную главу!

(Становится на колени.)

Не дай расти и созреть измене!
Изменников казни!

Дмитрий *(быстро)*

А где измена?

Изменник кто?

Басманов

Боярин твой великий,
Василий Шуйский. Проследил измену
И вывел я; она ясна как день.

Дмитрий

Не верю я. Владычество тирана
Пугливого вас приучило видеть
Изменников везде.

Басманов

Бояр пронырство
Неведомо тебе, ты с нами не жил.
Грозна была опала государей,
Родителей твоих и Годунова;
Но если б знать ты мог бояр крамольных

Все помыслы, ты казням бы Ивана
Не подивился. В самой преисподней,
На самом дне клокочущего ада,
Не выковать таких сетей, какими
Они тебя и Русь опутать могут.
Великий царь, не верь своим боярам,
Не верь речам, улыбкам и поклонам —
Казни ты их направо и налево,
А Шуйского вперед — он всем начало.

Дмитрий

Ужасен смысл речей твоих, Басманов!
Ты холодом меня обвеял. Думал
Я милостью привлечь сердца народа,
А ты казнить велишь.

Басманов

Я умоляю.

Входит иезуит Савицкий.

Дмитрий (*Басманову*)

Я никого не осужу один
И не пролью ни капли крови русской!
Над Шуйским суд назначить в нашей думе
Из выборных от всех чинов народа
И дать ему все средства оправдаться.

Оставь меня! Бучинского пошли!

Басманов уходит.

Ты здесь был, pater?

Иезуит

Как тебе угодно:

Коль хочешь-здесь, не хочешь — нет меня.

Monarcha invictissime! ⁸

Дмитрий

Свершились

Пророчества твои: престол московский

Мы заняли.

Иезуит

Что трудно человеку,

То Господу легко. Небесный промысл

Ведет тебя, путем прямым и верным,

К величию; да ведают народы,

Что твой оплот, что твой руководитель

Не есть иной кто, nisi Deus noster! ⁹

Да ведаешь и ты, что избран Богом

⁸ непобедимейший монарх! (*лат.*)

⁹ только Бог наш! (*лат.*)

Для дел великих. Ни мирская слава,
Ни гром побед да не прельстят тебя!
Святая церковь ждет побед духовных;
Давно умы святейших наших пап
Обращены на этот север дальний;
Давно они московских государей,
Схизматиков, апостольского трона
Чуждавшихся, к спасению зовут
И, scilicet ¹⁰, к спасенью их народов.
И ныне наш universalis pater ¹¹,
Святейший Павел Пятый, умоляет
Всевышнего, да дарует он силу
Димитрию, второму Константину,
Овец заблудших дома своего
Привести к стопам наместника Христова!

Дмитрий (*рассеянно*)
Бучинского ко мне!

Иезуит (*пожимая плечами*)
Он — лютеранин!

(*Уходит.*)

¹⁰ разумеется (*лат.*).

¹¹ римский папа (*лат.*)

Бучинский входит.

Дмитрий

На Шуйского донос; но я не верю
Басманову: он ослеплен враждою
И слишком предан мне. Василий Шуйский
Умнее всех бояр; его осудят,
Сомненья нет. И вот, Бучинский, средство
Из бывшего врага мне сделать друга
И лучшего слугу!
Поздравить папу
Со днем вступленья на престол Петра.
Пиши ему учтивостей побольше!
А вместо прежних наших обещаний —
Вводить латинство — мы теперь напишем,
Что мы не праздны на престоле царском.
Что мы, для пользы и для блага церкви,
Хотим начать войну с султаном турецким.
А между тем поди скажи Игнатью,
Чтоб грамоты теперь же заготовил
И разослал, как будет патриархом,
По городам, чтобы молебны пели
За нас, царя и за царицу-мать
И Господа просили, да возвысит
И вознесет он царскую десницу
Над бесерменством и латинством.

Бучинский

Мудрость

В лице твоём воссела на престоле.

Дмитрий

Поди, пиши, Бучинский!

Бучинский уходит.

Сиротливо

В душе моей! Расписанные своды

Гнетут меня, и неприветно смотрят,

Не родственно, таинственные лики

Из темной позолоты стен угрюмых...

Мне рада Русь, но ты, холодный камень,

Святым письмом расписанный, ты гонишь,

Ты трепетом мою обвеял душу —

Я здесь чужой! Сюда без страха входят

Отшельники святые только или

Московские законные цари...

Гляжу и жду, что с низенького трона

Сухой старик, с орлиными глазами,

Поднимется и взглянет грозно... грозно!

И зазвучит под сводами глухими

Презрительно-насмешливая речь:

«Зачем ты здесь? Столетними трудами

И бранями потомство Мономаха

Среди лесов Сарматии холодной
Поставило и утвердило трон,
Блистающий нетелеными венцами
Святых князей, замученных в Орде,
Окутанных одеждой херувимской
Святителей и чудотворцев русских, —
Гремящий трон! Кругом его подножья
Толпы князей, склоненные, трепещут
В молчании... Бродяга безбородый!
Легко тебе, взлелеянному смутой,
Внесенному бурливыми волнами
Бунтующей Украины в сердце Руси,
Подъятому преступными руками
Бояр крамольных, взлезть на опустелый
Московский трон с казацкого седла:
Вскочить легко, но усидеть попробуй!»
Отец названный! Я себя не знаю,
Младенчества не помню. Царским сыном
Я назвался не сам; твои бояре
Давно меня царевичем назвали
И, с торжеством и злобным смехом, в
Польшу
На береженье отдали. Не сам я
На Русь пошел; на смену Годунова
Давно зовет меня твоя столица;
Давно идет по всей России шепот,
Что Дмитрий жив. Опальное боярство

Из монастырских келий посылало
Ко мне в Литву, окольными путями,
Своих покорных, молчаливых слуг
На Годунова с челобитьем. В Польше
Король меня царевичем признал,
Благословил меня на царство папа,
Царевичем зовут меня бояре,
Царевичем зовет меня народ,
Усыновлен тебе я целой Русью!
Не твой я сын; а разве Годуновы
Наследники тебе? А разве Ромул,
Пастуший сын, волчицею вздвоенный,
Царем рожден?
Как сон припоминаю,
Что в детстве я был вспыльчив, как огонь;
И здесь, в Москве, в большом доме
боярском,
Шептали мне, что я в отца родился,
И радостно во мне играло сердце.
Так кто же я?.. Ну, если я не Дмитрий,
То сын любви иль прихоти царицы...
Я чувствую, что не простая кровь
Течет во мне; войнолюбивым духом
Кипит душа — побед, корон я жажду,
Мне битв кровавых нужно, нужно славы
И целый свет в свидетели геройства
И подвигов моих. Отец мой грозный,

Пусти меня! Счастливый самозванец
И царств твоих невольный похититель,
Я не возьму тиранских прав твоих —
Губить и мучить. Я себе оставлю
Одно святое право всех владык —
Прощать и миловать. Я обещаю
Прославить Русь и вознести высоко,
И потому теперь сажусь я смело
На сей священный, грозный майestat.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

ЛИЦА:

Дмитрий, самозванец.

Бояре:

Мстиславский,

Василий Шуйский,

Голицын,

Воротынский,

Куракин,

Бельский,

Масальский,

Басманов.

М. В. Скопин-Шуйский, великий мечник

В. Щелкалов, дьяк.

Окольничие, думные дворяне, выборные

люди, рынды, стражи.

Грановитая палата.

Трон; по обе стороны трона скамьи; близ трона на столе три короны царские.

(24 июня 1605 года)

*Мстиславский, Воротынский, Голицын,
Масальский, Бельский, окольничие, дворяне,
выборные люди, дьяк Щелкалов.*

*Входит Дмитрий, впереди его рынды и
Скопин-Шуйский с мечом, за ним Басманов.*

Дмитрий

(перед коронами)

Короны царств моих! Еще корону
Желал бы я прибавить к этим трем —
Корону Крыма. Если ж наше счастье
Послужит нам, то, с помощью Польши
И императора, врагов Христовых
Мы выгоним из царства Константина;
И завоюют вере христианской
Иван — Казань, а Дмитрий — Византию.

(Садится на трон.)

Все садятся по своим местам;

Скотин-Шуйский с мечом и Басманов становятся по сторонам трона. Рынды впереди.

Щелкалов

Великий царь и государь Димитрий
Иванович всея России созвал
Бояр своих, окольных, дворян
И вас, житые, выборные люди¹².
Для государского больного дела!
Его боярин, князь Василий Шуйский,
Забыв Господень страх, а целованья
И милостей царя к себе не помня,
Виновен стал ему в изменном деле.

Дмитрий

Ни гнева, ни вражды я не имею
На Шуйского и мести не хочу;
Но, чтоб в Московском славном
государстве
Без наказанья не был виноватый,
Велели мы московским всем народом
Судить его, чему он доведется.

¹² Житые люди — среднее сословие между боярами, первостатейными гражданами и черным людом.

Басманов

Великий государь, велишь поставить
Изменника, боярина Василья,
К тебе на суд соборный?

Дмитрий

Введи!

Басманов (*страже*)

Ведите!

Стража приводит Шуйского.

Дмитрий (*Щелкалову*)

Скажи ему вину его, Василий!
Пусть он оправится, коль прав, винится —
Коль виноват.

Шуйский

Благодарю за милость!
Невинному защита: суд да Бог.

Щелкалов (*читает*)

«В нынешнем, в 113 году, июня в 20 день, как
был государя царя Дмитрия Ивановича всея России
в Москву въезд, изыманы торговые и иных чинов
люди в пустотных речах. И те люди в расспросе в

тех своих пустотных, затейных речах винулись и сказали: торговый человек Федька Конёв говорил: как был-де великого государя в Москву въезд и стоял он, Федька, перво у Архангела с народом и, выдя из городских ворот, был-де он с народом же на Пожаре, там его и изымали; а говорил он, Федька, на государя Дмитрия Ивановича составные затейные речи, что он государь царевич не прямой, а прямой-де царевич убит от лихих людей в Угличе, там-де у Спаса его и положили, и клепал государя еретичеством и латинством; а те-де речи он, Федька, говорил не своим умыслом, слышал он про то от князя Василия Ивановича Шуйского не единожды. А Костька лекарь в расспросе говорил на Василия Шуйского ж, что говорил ему Василий про царя Дмитрия Ивановича дурно много раз...»
(*Останавливается.*)

Шуйский

А дальше что?

Щелкалов

Чего ж тебе еще!

Кажись, довольно, есть за что повесить.

Голоса

Изменникам царевым суд короткий! —

Изменников и Бог велит казнить! —
Он — лиходея царев! — Его измена
Всем видима. Повинен смертной казни! —
Что нам судить его! Повинен смерти!

Дмитрий

Василий, что ты скажешь в оправданье?

Шуйский

Царь-государь! Боярин твой великий,
Петр Федорыч, слуга тебе хороший!
Лихих людей он сыскивать горазд
И накрепко разведывать измену;
Изменники в речах своих расспросных
Басманову всю правду показали.

Дмитрий

И ты теперь перед моим лицом,
Передо всем собором, признаешься
В своих речах бездельных?!

Шуйский

Государь!
Обманом жить я не умею, не был
И смолоду обманщиком, зачем же
Под старость мне обманывать учиться!
Моя вина! Винюсь перед собором.

Дмитрий

Не верю я. От слов своих злодейских,
Предательских, ты лучше откажись!
Иль повтори их громко пред собором,
Тогда уж я оправдываться стану

(встает)

Доказывать, что я — царя Ивана
Сын подлинный.

Бельский *(встает с места)*

Да разве мы попустим?
Ни вымолвить, ни даже заикнуться
Изменникам твоим мы не дадим!

Масальский *(встает)*

Мы голову за батушку царя
Димитрия Иваныча положим,
Мы все умрем!

Басманов, Вельский и Масальский

Мы за тебя умрем!

(Становятся у трона.)

Голоса

Ты наш царевич! — Наше солнце
красно! —
Казнить его, изменника, казнить!

Дмитрий

Последний раз скажи мне, Шуйский,
правду:
Твои ль слова, твоим ли наученьем
Изменники в народе говорили?

Шуйский

Мои слова, великий государь!

(Становится на колени.)

Голоса

Вести его без всякой волокиты
На лобное! — На лобное его!

Дмитрий *(Басманову)*

Вели молчать!

Басманов

Молчите! Тише! Смирно!

Голицын (*Мстиславскому*)

Иль он себя нарочно губит, или —
Тут умысел!

Мстиславский

Темна душа Василья.

Дмитрий

По силам ли борьбу ты затевал?
Иль головы своей ты не жалеешь,
Иль помощи себе откуда ждешь?
Иль испытать меня ты только хочешь,
Не слабо ль я держу свою державу?
Не буду ль я, меня твои заслуги,
Высокий сан и старческие лета,
На замыслы твои глядеть сквозь пальцы?
Ошибся ты! Я взял свою державу
Железною рукой. Я принял царство
Для счастья подвластных мне народов,
А для грозы врагам и на измену

(берет у Скопина меч)

Держу сей меч, и сим мечом клянусь,
Что всякого, кто помешать захочет
Моей священной воле, уничтожу
И прах его развею далеко.

Ну, что же ты не молишь о пощаде?
Что не трепещешь? Иль тебе не страшен
Ни суд мирской, ни грозный гнев царя?

Шуйский

Не стану я просить себе пощады.
Моя вина — слепое исполненье
Велений царских.

Дмитрий (*отдает меч Скопину-Шуйскому*)
Говори прямее!

Шуйский

Мы утверждались крестным целованьем
Царю Борису.

Голицын (*Мстиславскому*)
Ишь куда пошло.

Шуйский

Ты знаешь сам, что всяка власть от Бога.
Иной за страх служил, иной за совесть,
Да не порок служить и за награду.
Боярин твой, Петр Федорыч Басманов,
Не по уму и не по летам, рано
Добился чести преданностью рабской
Царю Борису. Царь бояр крамольных

Не миловал, грозна была опала
Ослушникам! Вон Бельский попытался,
Да сам не рад, проворовался в службе
И надолго себе бесчестья добыл.
Меня, раба, Борис послал к народу,
И раб пошел, творя его веленье,
И говорил, что не царевич Дмитрий
Идет в Москву с иноплеменной силой,
А вор, расстрига, еретик Отрепьев.
Поверили иль нет, и кто поверил
Словам моим — не знаю; я исполнил,
Что царь велел. Вот вся вина моя!

Басманов

Не верь ему, великий государь!

Шуйский

Я все сказал, что за собою ведал,
Перед лицом царя я повинился,
И больше нет вины за мной. Велите
Пытать меня, хоть до смерти замучьте,
Вы не услышите ни слова больше!
Напрасно ты, Петр Федорыч, безвинных
Сирот пытал! Узнать тебе хотелось,
Что говорил, по царскому приказу,
Я с лобного; на каждом перекрестке
Спросил бы ты — тебе без пытки скажут,

Да не запрешь и я, не потихоньку —
На всю Москву я громко говорил.
Ждет милостей народ, а ты пытаешь.
Что значит — кровь! Отец был в палачах,
И ты по нем.

Басманов

Он лжет перед собором,
Бесстыдно лжет! он ведомый обманщик!
Не с лобного — то было, да прошло, —
В своем доме недавно он народу
Бездельные те речи говорил.

Шуйский

Ни слова! Стой! Заглазно сколько хочешь
Нашептывай; в глаза не смей порочить
Вернейших слуг московских государей!
Чем клеветать на Шуйских, вы бы лучше
Царям служить у Шуйских поучились.

Щелкалов

У тех ли Шуйских, что в Литву бежали?
У тех ли Шуйских, что царя Ивана
В младенчестве не досыта кормили,
В его глазах бояр его губили,
С митрополитов облаченье рвали?
Или у тех, что черный люд московский

Не раз, не два водили бунтом в Кремль?

Шуйский

Наш род большой, в семье не без уroda.
Я б насчитал тебе десятки Шуйских,
Проливших кровь и головы сложивших
На всех концах, на всех окраинах русских,
В бою ручном и в городских осадах —
Да говорить я не хочу с тобой.

Бельский

Боясь Бориса, ты солгал народу;
Зачем же ты потом не повинился
Во лжи своей? Когда Гаврило Пушкин
С Плещеевым нам грамоты читали
Димитрия Иваныча, ты где был?
Ты что ж молчал? А в день царева въезда
Опять не ты, а я да Петр Басманов
Поехали с народом говорить;
А ехать бы, по совести, тебе!
Ты Федором Иванычем был послан
Похоронить царевича, ты знаешь,
Кого ты хоронил. Вы с патриархом
Не раз божились, что царевич Дмитрий
Похоронен тобой в соборной церкви;
Зачем же ты молчишь теперь, не скажешь
Народу правды? Вы похоронили

Попова сына, так бы ты и молвил;
А ты молчишь да морщишься — мол, знаю,
Да не скажу до случая

Дмитрий

Василий,

Зачем молчал ты о своем обмане?

Ты виноват передо всем народом —

Ты лгал ему. Я здесь, я на престоле,

Не в Угличе, не мертвый! Хоронили

Другого вы. Кого вы хоронили?

Ну, говори!

Голоса

Казнить его, злодея!

Шуйский

Ты выслушай, великий государь!

Про мой обман, про вымыслы Бориса

Народ забыл и знать про то не хочет

На радости. Бездельные те речи

Я говорил давно; с Мстиславским после

Мы за тебя, под звоном колокольным,

Народ московский ко кресту водили

И верой, правдой, не жалея жизни,

Служить тебе учили. Для чего же

Про старое напоминать народу!

И Бельский да Басманов неразумно
Народ московский на Пожар сбивали,
Чтоб клясться в том, чему и так все верят.
Недаром же руками им махали,
Чтоб не клялись: «Мы и без вас-де знаем».
А без нужды божиться, лишь в сомненье
Народ вводить... И стало им обидно,
Что я разумно сделал, не поехал
На лобное. Чему бы обижаться?
Кому как бог даст: разум или глупость,
Так и живи! На Бога с челобитьем
К кому пойдешь!
Великий государь,
Я все сказал тебе, что может правый
Сказать в защиту правоты своей.
Теперь в твоих руках и суд и милость,
И головы и честь холопей царских,
Бояр исконных, суздальских князей.

Дмитрий
Уведь его!

Шуйского уводят.

Вы слышали, бояре,
Окольничьи и думные дворяне,
И вы, честные люди; обсудите

И приговор поставьте по закону
И совести и расходитесь с Богом!
Чему приговорите, так и быть.

*Выходит из палаты, впереди идут рынды и
Скотин-Шуйский.*

Мстиславский

Подумайте! Чтоб не было обиды:
Казнить легко, да после не воротишь.

Басманов

Хоть думайте, хоть нет, а он изменник!

(Щелкалову.)

Пиши скорее приговор соборный!

Щелкалов

Честной собор, чему повинен Шуйский?

Голоса

Казнить его! — Повинен смертной
казни. —

Изменник он! Ему и смерти мало! —
Все Шуйские изменники! — И братьев
Помиловать нельзя. Какая милость! —

Всем Шуйским смерть! На том и порешили.

Мстиславский

А тех за что? Они не виноваты.

Один голос

Чай, Дмитрий-то свояки с Годуновым,
Вот и вина.

Мстиславский

Нет, этак не порядок!

Щелкалов

Так что ж писать?

Один голос

Пиши: казнить Василья,
А Дмитрию с Иваном снять боярство
И в ссылку их по дальним городам.

Щелкалов

Согласны все?

Голоса

Согласны! — Ладно, ладно! —
Чтоб так и быть тому без перемены!

Мстиславский

Пиши, Василий! Расходитесь с Богом!

Все расходятся с поклонами. Остаются Мстиславский, Голицын, Воротынский, Бельский, Масальский, Басманов и Щелкалов, который садится за стол и пишет.

Мстиславский

Народ — волна: куда его подует,
Туда и льет. Уж Шуйских ли не любят,
А вымолви за них в защиту слово,
Так разорвут.

Воротынский

Не знаю только, ладно ль
Судить бояр собором черни буйной!

Голицын

Короток суд народный — беспощадный.
Кровавый суд, без совести, без толку —
В нем Бога нет.

Мстиславский

И затевать не надо б.

Голицын

Служу царю, пусть царь меня и судит,
А не торговцы из лубочных лавок.

Мстиславский

Убийство, а не суд. Мне Шуйских жалко.

Голицын

Кому ж не жаль! Нет, Шуйский пригодился
б,
Что ни толкуй! Он плут и проидоха,
А все наш брат боярин, нам он свой.

Басманов

О чем, бояре?

Голицын

О суде толкуем,
Что глуп народ, и бестолков, и буен,
А рассудил по правде.

Басманов

Это верно.

Голицын

А все ж не дело черному народу
Судить бояр. Он должен их бояться

Да слушаться; а дай ему почуять,
Что он судья над нами, плохо будет:
Он сам начнет без царского указа
Судить, рядить да головы рубить.

Басманов

А что, ведь правда!

Голицын

Есть о чем подумать;
Подумаешь — зачешется затылок.

Басманов

Не напророчь! Не дай Господь дождаться!

Входит Дмитрий.

Дмитрий

На чем решили?

Щелкалов

Шуйского Василья
Собором всем казнить приговорили,
А братьев разослать по городам.
Как ты прикажешь?

Дмитрий

Приговор исполнить!

На лобном месте завтра прочитать
Его Василью; положить на плаху
Бунтовщика, занести топор над ним
И объявить, что мы его прощаем,
Что вместо казни посылаем в ссылку
По смерть его, с лишением боярства;
А вотчины и все именье Шуйских
Мы отписать велим в свою казну.

Мстиславский

Пошли Господь тебе на многи лета
И радостей и счастья, государь!

Дмитрий

Довольны вы?

Голицын

Язык всего не скажет,
Что чувствует душа; мы лучше дома
Помолимся о здравии твоём
И долголетию.

Щелкалов

Куда прикажешь,
Великий государь, сослать Василья?

Дмитрий

За Кострому — и завтра же отправить!

Не доезжая места, воротить

Его в Москву и возвратить боярство,

И вотчины, и все его именье...

(Масальскому.)

А Ксения все плачет, все тоскует?

Масальский

У нас уход за ней, как за царицей.

Дмитрий

Не знаешь ли, чем слезы ей унять?

Масальский

Уймутся сами. Скоро высыхает

Роса на солнце, а девичьи слезы

Еще скорей.

Дмитрий

Заметил ты, Масальский:

В слезах она становится красивей,

Чем так, без слез?

Масальский

Так пусть она и плачет!

Дмитрий

Таких очей я ни в Литве, ни в Польше
Не видывал. Она меня полюбит!
Как думаешь, Масальский, ведь полюбит?

Масальский

Великий государь, ума не хватит
О девках думать. Что ж об девке думать,
Полюбит ли! Да что ж ей больше делать.
Как не любить? Одна у них забота...

Дмитрий

Поедем к ней! Желал бы я пред нею
С соперником сразиться, чтобы сердце
Красавицы от страха трепетало
И победителю наградой было.
Я Ксению люблю. Скажи, Масальский,
Чем покорить могу ее я сердце?

Масальский

Что покорять! Она не враг тебе;
Вели любить, и разговор короток.

Уходят.

Голицын (*Басманову*)

Что приуныл, Петр Федорыч? Обидно,
Что службишка твоя пропала даром?

Мстиславский

Служи царю мечом на ратном поле
Да в думе головой, а не доносом,
Никто тебя обидеть не посмеет.

Басманов

Обидно мне не за себя, бояре!
Он добрый царь, но молод и доверчив;
Играет он короной Мономаха,
И головой своей, и всеми нами.

Уходят.

СЦЕНА ПЯТАЯ

ЛИЦА:

Дмитрий Иванович, *самозванец.*

Царица Марфа, *мать Дмитрия-царевича.*

Михаило Скопин-Шуйский.

Басманов и народ.

Шатер в селе Тайнинском.

(18 июля 1605 года)

*Полы шатра распахнуты; видны два ряда
стрельцов, за ними народ, вдали деревянный дворец.
Входят царица Марфа и Скопин-Шуйский.*

Царица Марфа

(садясь на стул и робко осматриваясь)

Младый, цветущий юнош, князь Михайло
Васильевич, зачем меня, старуху,
Ты вытащил из монастырской кельи?
От суеты мирской давно отвыкла,
Ох, я давно отвыкла!

Скопин-Шуйский

Государем
Приказано мне привезти тебя;
Он по тебе давно скучает. Будешь
Ты, наша мать, царицею московской.

(Кланяется.)

Царица Марфа

Поверь ты мне, голубчик, ничего-то,
Ох, ничего-то мне не надо! Только
В монастыре и жить мне; я забыла,

Как люди-то живут.

Скопин-Шуйский

В Москве немало
Жилья тебе; в любом монастыре
Великой государыне есть место.
Попомни нас тогда, своих холопей!
За дядю гнева не держи на нас!

Царица Марфа

Забыла я, голубчик, все забыла!
Ты млад еси, а красен и разумен;
Гуляешь холост?

Скопин-Шуйский

Не женат пока...
Петр Федорыч идет к тебе, царица.

(Уходит.)

Царица Марфа

Ну пусть идет! О, Господи помилуй!
Вот грех какой, какое попущенье!
Туман в глазах, кружится голова.
Что говорить, что делать? Где набраться
Мне разума? Ну, буди власть Господня!

Басманов входит; полы шатра закрываются.

Басманов *(кланяясь в ноги)*

Царица наша, наша мать родная,
Ужли холопа Петьку позабыла?

Царица Марфа

Ты, Петя, встань! Ты молод был тогда.

Басманов

Великий царь и государь Димитрий
Иванович зовет в свой город стольный
Тебя, царицу.

Царица Марфа

Ох, везут насильно,
А не зовут меня!

Басманов

Он повелитель,
Не только звать и приказать он может —
Сама бы ты должна навстречу сыну
Не ехать, а лететь.

Царица Марфа

Навстречу сыну?
Где сын-то мой, Петр Федорыч? Где

сын-то?!

Не знаешь ты, так я тебе скажу:
Я в Угличе его похоронила,
От слез моих там реки протекли...

Басманов

Не говори, царица! жив Димитрий
Иванович.

Царица Марфа *(не слушая)*

У Спаса мы стояли
Обедню с ним в субботний день, на память
Пахомия Великого; в ту пору
Послал Господь такой-то красный день,
И таково тепло...

Басманов

Царица наша,
Таких речей мне слушать непригоже!

Царица Марфа *(не слушая)*

И, быть греху, пришли мы от обедни,
Пошла я вверх, сижу да отдыхаю,
А он внизу с ребятками играет;
Известно дело, ноги молодые
Не устают; и понесли нам еству;
Хочу я встать — царевича покликать,

Вдруг слышу крик, так сердце и упало!
Бегу с крыльца, кормилка держит Митю,
А он кончается, а сука мамка...

Басманов

Забудь про все! Одно, царица, помни,
Что ты всю жизнь терпела от злодеев.
И сам Борис, и все его холопы
Над царскою вдовою издевались.
Пришла пора поцарствовать тебе,
Назло врагам твоим, на радость братьям
И сродникам, опальным, заключенным.

Царица Марфа

Прошли года, во мне затихла злоба;
От радостей мирских я отреклась.
Борис в могиле — нас Господь рассудит
Его холопям мстить я не хочу!
Вот если б вы в то время догадались,
Как я в слезах, обрызганная кровью
Царевича, по Угличу металась,
Безумная, звала людей и Бога,
Кровавые поднявши к небу руки,
На мечь Борису, — если бы тогда
Восстала Русь, Литва и вся Украина
На этот род проклятый годуновский,
Разлучников единокровных братьев,

И надо было, чтоб царевич ожил,
Воскрес убитый, — я тогда бы сыном
Подкидыша паршивого признала,
Щенка слепого детищем родным!..

Басманов

Замкни уста! Ты Дмитрия не знаешь!
Он наша радость, наше упование.
Остановись! Душа моя не стерпит,
Не вынесет она позорной брани.

Царица Марфа

Пугать меня! — жену царя Ивана,
Того Ивана, перед кем вы прежде,
Как листья на осине, трепетали!
Я не боялась и царя Бориса,
Не побоюсь тебя, холоп!

Входит Дмитрий.

Басманов

Царевич!

(Уходит.)

Дмитрий *(бросается к царице)*
Родимая!

Царица Марфа (*останавливая его посохом*)

Постой-ка! Ничего-то

Ты не похож.

(Отворачивается)

Дмитрий

Зачем тебе наружность?

Моя душа горит к тебе любовью

Сыновнею!

(Целует ей руку.)

Пока ты в заключенье,

Среди старух, отживших и бранчивых,

Постом невольным изнуряла тело,

И молодость свою в слезах губила,

И вянул даром блеск очей твоих

И величавость царственного стана,

Я трон тебе готовил, я злодеев

Твоих губил, сбирал твой род и племя

По годуновским тюрьмам, и вокруг трона

Поставил их в блестящем одеянье

Сановников ближайших! Я очистил

Широкий путь тебе в твою столицу;

А ты взглянуть не хочешь на меня

И гонишь прочь, как недруга?

Царица Марфа

Молиться

Всю жизнь мою за милости твои
И чтить в тебе царя — рабой, коль хочешь,
Служить тебе я с радостью буду;
Но матерью!.. Нет! сердца не обманешь!
Не так оно забьется, если сына
Родимого прижмешь к своей груди.
Пусти меня опять в мою обитель —
Не сын ты мне.

Дмитрий

А много ль нежной ласки
Ты видела от сына? И не скучно
Без ласки жить тебе?.. Ребенком малым,
Играючи, он прибегал к тебе
Склонить свою головку на колена
И засыпать под шепот нежных слов;
Другой любви и ласки он не ведал.
Прошло и то, и рано ты осталась
С сиротскими слезами вековать!

Царица Марфа плачет.

Припал ли он хоть раз к твоим коленам

Царем в венце и бармах Мономаха,
При радостных слезах всего народа?
Просил ли он себе благословенья
Землею править, суд и правду деять,
Прощать виновных именем священным
Царицы-матери, несчастным слезы
Ее руками отирать?

Царица Марфа

О, если б
Ты был мой сын! Поди ко мне поближе,
Взгляни еще в мой глаза!..

(Тихо.)

Димитрий,
Ты сирота, без племени и рода!
Я ласк твоих не отниму у той...
Другой!.. Она, быть может, втихомолку,
В своем углу убогом, пред иконой
О милом сыне молится украдкой?
Иль здесь, в толпе народной укрывает
Лицо свое, смоченное слезами,
И издали, дрожащею рукою
Благословляет сына?

Дмитрий
Нет! О нет!

Царица Марфа

Одна ли буду матерью твоей,
Одна ль любить тебя, меня одну ли
Полюбишь ты?

Дмитрий

О да! Одну тебя!
Ты назовись лишь матерью — я сыном
Сумею быть таким, что и родного
Забудешь ты.

Царица Марфа

Тебя я полюбила...

Дмитрий

Невиданным почетом и богатством
Украшу я твое уединенье
В обители; под этой грубой ризой
По золоту парчой пойдешь ты к трону!
Смотри сюда...

(Открывает полу палатки.)

От нашей царской ставки

До стен Кремля шумят народа волны
И ждут тебя. Одно лишь только слово!
И весь народ, и я, твой сын венчаный,
К твоим стопам, царица, упадем.

(Склоняется перед нею.)

Царица Марфа *(поднимая его)*

Ты мой! Ты мой!

Дмитрий

И сын, и раб покорный!

Обнимемся! Союзом неразрывным

Мы связаны на жизнь и смерть. Пойдем!

Отбрось теперь свой посох: эти плечи

Могучие тебе опорой будут.

Выходят к народу.

Народ

Царица! — Мать родная! — Ты сиротам,

Рабам твоим, покров и заступенье!

....е Голицына.

*Входят Мстиславский, Воротынский и
Голицын. Слуги вносят чаши с медом.*

Мстиславский (*Голицыну*)

Ты нас зазвал к себе на перепутье,
На пирожок, на чарочку винца,
А угостил и допьяна и сыто.

Голицын

Чем Бог послал! Какое угощенье!
Вот в Кракове Афонька наш пирует,
Не нам чета, и черт ему не брат,
Ломается — гляди, что курам на смех.
А мы в Москве играем в городки.
Однако царь изрядно проминает
Бояр своих. На земляную стену
Полезет сам, и ты за ним ступай!
А тут-то нас, не из пищалей, правда,
А палками по чем попало лупят.

Мстиславский

Ученье — свет, а неученье — тьма.

Голицын

Бока болят от этого ученья,
А толку нет. Не на кулачки драться,
Не лезть на башню прямо под обух;
Приказывать боярское есть дело.

Воротынский

Бока болят! Ну, поболят немного,
Да заживут; бесчестье не велико.
А вот бесчестье: Юрий Мнишек пишет
Высоко больно, к умаленью чести
Боярской нашей.

Мстиславский

Так ли, князь Иван
Михайлович?

Воротынский

Чего ж еще! Он пишет:
«Я вам царя поставил, я-де начал
И кончил все, и как-де я приеду,
Перед царем о вас стараться буду,
О умноженье ваших прав боярских».
Каких еще нам прав?

Голицын

Оно б не худо
Шляхетские нам вольности иметь;
Да вот беда — пан Юрий Мнишек сядет
На нас на всех, между царем и нами.

Мстиславский

Оставим лучше эти разговоры.

Не нам судить! Что будет, то и будет.

Голицын

Ну пусть бы Мнишек, а гляди — наедет
Родня его и сядет в думе царской
С боярами. Гоняет, как мальчишек.
Нас царь теперь, а уж тогда и вовсе
Молчать придется да глазами хлопать.
Как дуракам.

Мстиславский

Ты хмелен, князь Василий.

Голицын

И хмелен, да умен, — так два угодья.

Воротынский

А что писать нам Юрию? Вот Шуйский
И нужен бы!

Мстиславский

Без Шуйского напишем,
Подумавши. Подумай, князь Василий,
И нам скажи!

Голицын

Пишите вот что:

«Пан Юрий! Грамотку твою читали,
А пишешь ты про службу государю,
Что в дохожденье прирожденных панств
Служил ему и промышлял с раденьем,
И хочешь впредь добра ему хотеть,
И мы тебя теперь за это хвалим».
Вот и конец!

Мстиславский

Разумно! Так и надо!
Пускай его читает.

Входит Куракин.

Куракин

Шуйский едет
В Москву опять.

Мстиславский

Ну, радость не велика.

Голицын

Не всё на волка, ты скажи — по волку!
Ну, хочешь ли побиться, князь Феодор
Иванович, а вот князья разнимут:
Я бьюсь с тобою о велик заклад,
Что не пройдет недели, князь Василий

И в думе первый, и в совете будет,
И самый ближний друг царю. Ну, хочешь?

Мстиславский

Завидовать не стану, не завистлив —
Его при нем! Прощай!

(Уходит.)

Голицын

Прощай, князь Федор
Иванович.

Воротынский

И я за шапку.

Голицын

Что же!
Ты, князь Иван Михайлыч, посидел бы.
Ну, посиди.

Воротынский

До дому, князь Василий
Васильевич, пора. Прощенья просим,
Женишка ждет.

Голицын

Ну, как, князь, хотите!

Я не держу: насильно мил не будешь.

Уходят.

Голицын скоро возвращается; наливает два кубка: один Куракину, другой себе.

За весть спасибо!

Куракин

Было бы за что!

Голицын

Не торопись. Недолго ждать, увидишь,
Я во хмелю, язык поразвязался,
Душа горит. Ты — друг; перед тобою
Могу я смело душу распахнуть.

Куракин

Еще бы нет! Одна душа, два тела!
Умрет со мной.

Голицын

Дай Шуйскому приехать
Да осмотреться; он сейчас увидит,
Куда ведут советники слепые
Царька слепого...

Куракин

Ну!

Голицын

Он им поможет.

С Басмановым он больше не заспорит:

Поддакивать и поблажать им будет;

И царик наш напрыгает недолго.

Куракин

А после что? На трон Мстиславский сядет.

Голицын

Мстиславский? Нет! Его на то не хватит;

Ума не нажил, смелости подавно;

А сесть на царство — мудрена наука.

Куракин

Ну, Шуйский.

Голицын

Верно. Только с уговором:

Пусть грамоту напишет он боярству

И поцелует крест — без нашей думы

Не делать шагу: смертью не казнить,

Поместий, отчин и дворов не трогать

Без нашего суда; а кто по сыску

Дойдет до казни — жен, детей не грабить;
Доводчиков не слушать! Да не токмо
На нас, бояр, не класть своей опалы,
Не осудя, — гостей, людей торговых
И волосом не трогать без суда!
Когда язык ему и руки свяжем,
Пусть царствует.

Куракин

Такое дело ново,
И Шуйскому какая же неволя
Приказчиком боярским быть на троне?

Голицын

Без записи такой не сесть на царство
Ни одному из нас: друг друга знаем;
Переплелись обидой да бесчестьем
Боярские роды; одной семьи нет,
Чтоб на другую зубы не точила.
Свои друзья, свои враги у всех;
Кто ни взойди теперь на трон московский,
Родня, друзья сейчас его облепят —
Врагам не жить.

Куракин

Мудреная задача!
Не думаю, чтоб Шуйский поддался:

Он травленный.

Голицын

Ну, мы не будем плакать;
Тогда пошлем к Жигмонту Владислава
Просить на царство: ешь меня собака
Неведомая, только не своя...
Пора к царю, телят нарядных кушать.

Уходят.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

ЛИЦА:

Василий Шуйский.

Князь Масальский с боярами и дворянами.

Калачник.

Дворецкий.

Черная изба у Шуйского.

*Входят Василий Шуйский в крестьянском
кафтани и дворецкий.*

Василий Шуйский

Пускай не всех, а только самых близких,
И то простых людей; из думы только

Татищева; а прочим говори,
Что скорбен, мол: не только человека,
И свету Божьего не хочет видеть.

Дворецкий

Калачник Ваня раз десяток мимо
Ворот прошел, за тыном притулился,
Войти не смеет.

Василий Шуйский

Ну, пусти его,
Введи его тихонько задним ходом.

Дворецкий уходит.

Калачники, разносчики, торговцы,
Попы без мест, да странный, да убогий,
Да голь кабацкая — меня жалеют
И помнят обо мне, а наша братья
Советчики, да судьи, да думцы
Великие — что борода, то дума,
Что лоб, то разум — те меня забыли:
Поклона ждут... Да не дождутся: с ними
Заигрывать, как с девками, не стану.
Придет пора, поклонятся и сами.
Я не брезглив, мне всякий друг, кто нужен.
И сволочь хороша. Не плюй в колодезь!

Велика сила шлющийся народ!

Калачник входит.

Что скажешь, друг Иван?

Калачник

Тебя, боярин,
Отец ты наш, в живых не чаял видеть;
Вот, Бог привел! Ну, как ты воротился?
Здорово ли? Об нас не позабыл ли?
Не бросишь ли сирот своих?

Василий Шуйский

Не брошу.

Калачник

Ну, дай тебе Господь! А мы всё те же,
Мы все твои. Я бьюсь теперь, боярин,
Из пустяков; повесили б уж, что ли,
Меня скорей иль голову срубили!

Василий Шуйский

С чего бы так?

Калачник

Жить не мило, боярин!

Рассказывать аль нет? Коль будешь
слушать,
Я все скажу, а то вели отправить
К Басманову меня: я ворог царский.

Василий Шуйский

И то, пошлю.

Калачник

Так посылай скорее!
Я голова отпетая. Довольно
Погуляно, пора костям на место.

Василий Шуйский

Куда спешить! Басманов подождет.
А ты покуда говори, что знаешь!
Что нового?

Калачник

Все новое, боярин!
Палаты новы у царя; у немцев
Кафтаны новы — бархат фиолетов;
У русских вера новая — латинцы
В самом Кремле поставили костел
И целый день гнутят свои обедни,
Своим душам на вечную погибель
И на соблазн крещеному народу.

Теперь обедать с музыкой садятся,
Не молятся, ни рук не умывают.
Поляки бьют народ, секут и рубят
И встречного, и поперечных; бродят
По улицам, по лавкам, по базарам,
Берут добро без денег и без спросу.

Василий Шуйский

И все молчат?

Калачник

Нельзя и рта разинуть,
Защиты нет. В застенок да на плаху!
Петр Федорыч лютее волка стал:
Живого съест. Казнит немилосердо;
Монахов чудовских поразослали;
Тургенева казнили на Пожаре.
Чай, брата знал меньшого, Федьку?

Василий Шуйский

Как же,
Ну как не знать!

Калачник

Горячий был, как я же;
Доводчики его оговорили.
Короток суд: свели его на плаху.

Без брата жизнь постыла мне, боярин;
Я жив брожу, а он в сырой земле;
И мне туда ж. Да лишь бы поскорее!
Задешево я голову бы продал!
Нужна тебе?

Василий Шуйский

Повремени до срока,
Ты голову сложить всегда успеешь;
Не торопись: быть может, пригодится
На что-нибудь. Бери лоток на плечи,
Торгуй опять. Помалчивай о брате,
Повеселей гляди, на прибаутки
Не поскупись, да не болтай пустого!
А я тебя за прежние заслуги,
Уж так и быть, помилю: Петрушке
Басманову речей твоих не выдам.

Смеются оба.

В нужде иль горе, приходи ко мне,
И выручу, и денег дам на нужду.
Убогий где?

Калачник

В Москве. Да мелет что-то
Нескладное.

Василий Шуйский

А где живет?

Калачник

В поварне

У патриарха, только кормят плохо.

Василий Шуйский

Пришли его. Да заходите чаще.

Входит дворецкий.

Дворецкий

Масальский князь с боярами наехал

От самого царя.

Калачник уходит.

Василий Шуйский

Ворота настезь!

Дворецкий

Я растворил.

Василий Шуйский

И двери настезь живо!

*Дворецкий открывает дверь. Входят
Масальский, бояре и дворяне.*

Масальский

Великий царь и государь Димитрий
Иванович велел тебе сказать,
Боярин князь Василий, княж Иваныч,
Что он вины не помнит, и опалу
Твою с тебя снимает, сан боярский,
И вотчины, и все добро твое
Он жалует тебе, и дозволяет
Опять его царевы очи видеть
Пресветлые, и жалует кафтаном,
И шубою, и шапкою боярской.

Василий Шуйский

Великие бояре; вы, царевы
Советчики, краса земли Московской!
Скажите мне, последнему холопу,
Каким путем-дорогой иль тропами
Звериными вы ехали ко мне?
Да разве есть ко мне дорога, лесом
Не заросла, не завилась травою?
Каких людей попутных вы встречали?
Кто вас провел, кто показал домишко
Убогий мой? Да разве есть на свете
Василий Шуйский? Разве люди помнят

В Москве о нем? Великие бояре!
Не вы нашли, не люди вам казали
Пути-дороги — царь вам приказал
Найти меня, и лесы преклонились,
И развился, как скатерть, путь широкий
И поднялся и светел стал мой дом,
Как царские высокие палаты:
И жив опять, и радостен хозяин;
Вчерашний смерд — опять боярин царский.
Скажите вы царю и государю,
Что дней моих остаток и дыханье
Последнее, душевный каждый помысл
Я отдаю ему; что стар и хил я,
Но сил еще у Шуйского достанет,
Чтоб доползти до ног его, коснуться
Его стопам холопскими устами
И верным псом на страже стать у трона...
Седлать коней! Боярскую одежду!
Лохмотья прочь! Я еду к государю;
А завтра вас прошу к себе, бояре,
На званый стол, на разливанный пир —
Отпраздновать со мной цареву милость!

Уходят.

II

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ЛИЦА:

Дмитрий.

Василий Шуйский.

Мстиславский.

Голицын.

Татищев.

Басманов.

Бельский.

Масальский.

Бучинский.

Власьев, царский казначей.

Осипов, дьяк из приказа.

У каждой двери по двое немцев с бердышами.

Передняя комната в новом дворце у самозванца; за ней широкая галерея с цветными стеклами.

(23 апреля 1606 года)

Выходят Татищев, за ним Василий Шуйский.

Василий Шуйский

Куда бежишь? Аль речи не по мысли?

Татищев

Ишь неучи! Уж это мы слышали!
Обучимся и мы, не торопясь.
Пусть вызовут из Греции монахов!
Так нет, такой науки он не хочет...
Отдай робят в ученье езовитам...
Меня мороз по коже подирает,
Готова брань сорваться с языка.
На драку я пойду, на нож полезу,
Когда шутя о вере говорят
Какой он царь! Какой защитник церкви,
Когда латинской, езовитской веры
От греческой не может отличить!
Ему одно, что наше православье,
Что ересь их. Кабы одно-то было,
Анафеме бы их не предавали.
А коль одно, так и пускай бы в нашу
Латинцы шли. Вот, значит, не одно.
Татарин, жид, латинец, православный —
Всяк бережет свою; а у царя-то
Какая же?

Василий Шуйский

Ну, значит, никакой.

Татищев

А ты молчишь, боярин, князь Василий
Иванович, иль дакаешь ему

(сквозь зубы)

Проклятому.

Василий Шуйский

К чему же горячиться!
Само себе защита православье,
Гонителей оно не побоится.
И Фока и Ульян-богоотступник
На Бога шли войной, да много ль взяли...
Гонители погибли лютой смертью,
А вера православная стоит.

Входят Голицын и Мстиславский.

Голицын

А вот у нас и свадьба подоспела;
Опять пиры!

Василий Шуйский

Всю зиму пировали,
Играли в зернь да пили без ума;
Опять за то ж!

Мстиславский

Мы свадьбу отпируем,
И кончено, снарядимся в поход.

Василий Шуйский

Куда? Зачем?

Мстиславский

На крымского Гирея.

Василий Шуйский

Какая статья Казы-Гирея трогать
И турецкого султана задирать!
Кому нужна? Жигмонту, немцам, папе;
А мы в чужом пиру похмелье примем.
На крымцев есть донские казаки:
Пусть режутся; послать свинцу да зелья,
Да денег дать — а после отпереться,
Что нам-де их, воров, не удержать...
Две выгоды: дешевле и без драки;
И волки сыты, да и овцы целы,
Татары биты, да и мы с султаном
В миру живем.

Татищев

Поход задуман в Риме,

И сгоряча наш царь пообещался
Начать войну, чтоб выманить от Польши
Жену да императорское титло.
Со свейским мы поссорились за Польшу,
С татаринoм и турским за нее ж...
Так с Польшей-то в ладах ли? Не бывало!
Поссоримся и с ней.

Мстиславский

За что?

Татищев

За титло

Непобедимого. На печке сидя,
Ни с кем не воевавши, заслужили
Такую честь, так нам ее подай!
Сбирались-то втроем идти на турок,
А немцы прочь; Жигмонт, угодник
папский,
И рад бы в рай, да сеймом вяжут руки;
Останемся как раки на мели.

Мстиславский

Одни пойдем; на что ж новгородцев
И псковичей пригнали на Ходынку?

Василий Шуйский

Да много ль их? Всего восемнадцать тысяч.

Мстиславский

В Ельце еще собираются войска.

Василий Шуйский

А деньги где?

Голицын

Велик калым платили;

Рекой течет московская казна

За польскую границу; Афанасий

Обозами возил туда два раза.

Мстиславский

Нет, он один пойдет, не побоится!

Ему война — потеха; спит и грезит

Он о войне; ему без дела скучно.

Татищев

Война — потеха, вера на потеху!

(Показывая в окно.)

И у крыльца поставлен для потехи

Треглавый ад — бряцание велико

От челюстей и пламя из ушей,
Отверзты зубы, и готовы когти
На ухапление. И зрети страшно!
Потехи всё; какое ж дело свято?

Мстиславский

Татищев, ты не очень завирайся!
Не попадись опять!

Татищев

Язык мой — враг мой.

Мстиславский

Басманову ты кланяйся, а то бы
Гулять тебе за Вологду иль Вятку,
Куда Макар телят не загонял.

Татищев уходит, махнув рукой.

Голицын

Потише, царь идет.

*Из царских комнат выходят Дмитрий,
Басманов, Бельский, Масальский, из галереи
показывается Бучинский с письмом.*

Бучинский (подавая Дмитрию письмо)

Гонец с дороги.

Дмитрий (*прочитав письмо*)

Мне весело, бояре; нашу радость

Желал бы я и с вами разделить.

Сегодня пир; придумайте потеху

Веселую для радости моей.

Теперь, что день, то ближе наше счастье,

И скоро мы московский трон украсим

Жемчужиной, какой не обладают

Богатые индийские цари.

Как думаешь, Бучинский, по расчету,

Далеко ли теперь невеста наша?

Бучинский

Ее ясновельможность, цесаревна,

Марина Юрьевна, теперь в Можайске;

Его мосць, воевода Сендомировский,

Ясновельможный пан, в Вязёмах к ночи.

Дмитрий

Табун коней послать ему для встречи!

Не помнишь ли, какие мы подарки,

Последние, послали с Афанасьем

Навстречу ей, царице нашей, в Вязьму?

Бучинский

Две запоны алмазные, корону

Алмазную, часы да жемчуг низан.

Дмитрий

И только, Ян? Да это мало! Что бы
Еще послать? А вот что, пан Бучинский:
Свези еще ей восемь ожерельев
И столько же кусков парчи на платье...
А жемчугу в казне какая пропасть!
Берешь, берешь, а все не убывает;
Куда девать, придумать не могу.

Басманов

Да пусть лежит; не пролежал бы места,
И хлеба он не просит.

Дмитрий

Пан Басманов,
Я твоего не спрашивал совета...
Готовы ли кареты? а возницам
И конюхам под цвет каретный платье?
А новые шатры — встречать царицу?

Басманов

Готово все, великий государь.

Дмитрий

Там бархату в царицыны покои

Недостает.

Басманов

В казне давно не стало,
Да и в Москве едва ль его найдешь!
По всем купцам обегали.

Дмитрий

Не знаю,
Вы бегали иль нет, а бархат нужен.
Найти его, чего бы он ни стоил!
Что нужно нам, того не быть не может.
Хоть тысячу, хоть больше дай за лоскут
В ладонь мою. Я денег не жалею.
Я прикажу, и будет мне готово
Не только бархат, птичье молоко!

Басманов

Камки, парчей и бархату цветного
Истратили мы столько, государь.
Что запрудить Москву-реку хватило б;
А соболей, и камней многоцветных,
И денежной истрачено казны —
И сметы нет, и слов таких не знаем.

Дмитрий

Истрачено! Басманов! Пан Басманов!

Кого я жду! Истрачено! Да если б
В моей казне алмазов было больше,
Я б вымостил алмазами дорогу
Для панны Мнишковны.

Василий Шуйский

Да для чего же
Копить, беречь их в темных кладовых?
Алмаз, что человек, не виден в куче:
А посади его на видном месте —
И заблестит. Недаром их копили
Родители твои; они как знали,
Что Дмитрию придет пора их тратить
На брачный пир, для славы государства,
На диво и на зависть иноземцам.

Басманов

А ты забыл, что тотчас после пиру
Война у нас. Куда казна нужнее,
Подумай-ка!

Дмитрий

Да неужли, Басманов,
Так много денег нужно на войну,
Что их в казне у нас не хватит? Верьте,
Поход короткий будет; мы нагрянем,
Как Божий гнев, на головы неверных,

И долго будет страшно наше имя.
В пределах их — великую добычу
И славный мир мы завоюем разом.

Басманов

Пословица у нас: «Сбирайся на день,
А про запас бери на всю неделю!»

Василий Шуйский

Война — войной, а свадьба — свадьбой!
Разве
Царю считать алтынами пригоже?
Подьячему, на жалованье царском,
На маленьком, а не царю — алтыны
Раскладывать на разные потребности;
Один на кашу, на кафтан другой.
Война у нас не нынче и не завтра;
Пошлет Господь, так деньги соберутся:
Купцы дадут, в монастырях есть лишки.

Дмитрий

В монастырях они лежат без пользы.
Не прав ли я?

Василий Шуйский

Без пользы, государь.

Дмитрий

Подумайте, бояре, как бы лучше
Расставить нам гостей ясновельможных,
Родню мою. Бояре, не забудьте,
Что польские паны — не вам чета;
Живут красно, богато, видеть любо,
Не взаперти, а настезь, шумно, людно.

Василий Шуйский

Под воеводу дом Борисов годен,
А для панов бояре потеснятся.

Мстиславский

Нам негде взять раздолья и простору.
Живем черно.

Голицын

Зато радушно примем.

Василий Шуйский

Прислужников царицыных поставим
По улицам Чертольским, по Арбату,
В самом Кремле. Купцов, попов погоним
Из их дворов; не маленькие, сыщут
Приют себе. Хоть нынче ж вывозиться
Прикажем им.

Басманов

Зачем же гнать насильно?

Василий Шуйский

Просить начни — они ломаться будут;
Ему толкуй, а он свое заладит,
Что дом-де мой, что я-де в нем хозяин.
Народ простой — не понимает чести.
Что в их дворах стоят царевы гости.

Басманов

Великий царь, не одобряй насильства!
Прогнать попов — в народе ропот будет.

Василий Шуйский

Неужто ж нам, для нашей царь-девицы.
Для матушки, красавицы царицы.
Невиданной, неслыханной нигде,
Попов жалеть?!

Дмитрий

Да ты откуда знаешь
Про красоту ее?

Василий Шуйский

Да если б лучше
Была у нас, зачем бы издалека

И брать тебе: ты дома бы женился...

А значит, нет.

Дмитрий

Конечно, нет.

Басманов

Давно ли,

Великий царь, ты разлюбил красавиц

Родной земли, смиренниц чернобровых?

Ты прежде их не обегал, кажись.

Дмитрий

Красавицы в Москве у вас не редкость,

По красоте им равных не найдешь...

Но портит их излишняя покорность

И преданность, бесспорная готовность,

Всегдашние уступки и молчанье.

Литовские красавицы не то!

В очах огонь, в речах замысловатость!

То ласкою безмерно дарят.

То гордостью нежданною окинут.

Им приказать нельзя, нельзя принудить

Любить тебя; а долго и прилежно

Ухаживать тебя они заставят.

(Указывая на Василия Шуйского.)

Смотрите-ка, у старика глаза-то
Как прыгают. Ты, видно, Шуйский,
любишь
Хорошее? Товару цену знаешь?

Василий Шуйский (*машет рукой*)
Не без греха! Покаюсь, грешен, грешен!

Дмитрий
Ну то-то же! Вот жалко, что сосватал
Ты русскую, а то нашли бы польку.

Василий Шуйский
Ну, где уж мне! Я стар. По Сеньке шапка!

Басманов
Нам некогда, великий государь,
За бабами ухаживать подолгу;
У нас дела с утра до самой ночи,
И для того нам русские способней.

Дмитрий
Ты очень строг, Басманов, нынче; Шуйский
Добрей тебя.

Бучинский

Твоей великой мосци
Дозволь сказать! Царицу беспокоит,
Что усмотреть не можно за прислугой;
Что наши грубы с русскими, и много
И ссор и драк бывает на дороге.
Боится, чтоб в Москве не стало то же.

Василий Шуйский

Мы, русские, с поляками роднимся.
Пускай дерутся, после помирятся.

Басманов

Молю тебя, великий государь,
Унять скорей поляков! Мы дождемся
Беды большой. Вражда непримирима,
А новые обиды подольются.
Что масло на огонь.

Василий Шуйский

Так что же делать?
Не бить же нам гостей своих для свадьбы!
Нельзя ж и русских заставлять терпеть
И принимать с поклонами побои!
А пусть они дают полякам сдачи,
Так задирать поляки перестанут.

Бельский

Такой раздор недоброе пророчит.

Масальский

Дозволь полякам обижать народ.
Дозволь народу драться с поляками...
Натравливать — охотники найдутся!

Басманов

И вырастет из драки бунт народный.

Дмитрий

Молчите вы! Мне слушать надоело!
Не школьник я, не вам меня учить!
Поймите раз и навсегда, что Шуйский
Умнее вас, и рта не разевайте,
Когда мы с ним о деле говорим.

Власьев с рабочими на галерее.

Ну, что ты, Власьев?

Власьев

Бархатом разжился,
Веду рабочих — стены обивать.

Дмитрий

Дождитесь здесь, бояре! Я в покои
Царицыны схожу, взгляну работы.

(Уходит.)

Басманов *(Шуйскому)*

Ты льстишь царю; твои советы — гибель.
Он молодой, горячий государь;
Любя его, ты будь руководитель,
Не поблажай, а на добро учи.

Василий Шуйский

Учить его, так быть умнее надо:
А я себя умней его не ставлю.

Мстиславский *(Басманову)*

Да и тебе не след умом кичиться
Перед царем.

Василий Шуйский

Слуга не опекун.

Басманов

Покуда ты доверчивое сердце
Великого царя не портил лестью,
Он верных слуг своих любил советы,

За грубость речи гнева не держал;
Он верил нам, он спор любил, он помнил,
Что тот слуга, кто смело режет правду,
А наглый льстец — изменник, не слуга.

Василий Шуйский

Вот я женюсь, да если будут дети,
Так их учить — обязанность моя.

Выходит из галереи Дмитрий, за ним Осипов.

Дмитрий

Мертвец, худой и бледный! Кто, зачем он?
Спросить его! Остановить его!

Немцы загораживают Осипову дорогу.

Басманов

Убогий смерд! Дьячишка из приказа!
Ты Осипов?

Осипов

Раб божий, Тимофей.

Басманов

Зачем? Как смел? Откуда ты?

Осипов

Из церкви.

Дмитрий

Просить чего иль жаловаться хочешь
На слуг моих? Обижен ты?

Осипов

Тобою.

Дмитрий

Не знаю, чем и как я мог напрасно
Тебя обидеть, добрый человек.

Осипов

А тем, что ты в святых стенах кремлевских,
Среди церквей, вертеп греха поставил,
Нечестию и ереси поганой!
Святую тишь молитвы православных
Нарушил ты гуденьем мусикийским!
Вхождением еретиков латинских
И люторских ты храмы осквернил
Где я молюсь, пред чем благоговею,
Куда вступаю с трепетом священным,
Туда со мной литвин и лях с руганьем
И мерзостным кощунством вместе входят.

Басманов
Остановись!

Бельский
Молчи!

Масальский
Убить его!

Голицын
Какой смельчак!

Василий Шуйский (*тихо*)
Какой подвижник веры!

Дмитрий
Не трогайте! Ты, Осипов, чего же
За брань свою желаешь заслужить
От милостей моих царевых?

Осипов
Смерти!
Какой ты царь! Тебе ль управлять царством,
Когда собой управлять ты не в силах!
Какой ты царь! Ты сам в оковах рабства!
Ты раб греха! служитель сатаны,
Сидящий на престоле всероссийском!

Воистину расстрига, а не царь!

Бельский (*берет бердыш у немца*)
Нельзя терпеть! Освободи нам руки,
И мы его на части разнесем!

Басманов (*берет бердыш у другого*)
Изменник тот, кто может равнодушно
В глазах царя такие речи слушать!

Дмитрий
Ты, Осипов, себе желаешь смерти;
Ты заслужил ее. Иди на казнь!

Осипов
Чего же ждать иного от расстриги!

Басманов (*занося бердыш*)
Не изрыгай своих ругательств скверных,
А то убью!

Бельский (*занося бердыш*)
Молчи! Ни слова больше!

Осипов
Я смерти жду Постом и покаяньем
Я оградил себя от страха смерти

И, причастясь святых Христовых тайн,
Пришел к тебе из Божьей церкви прямо
Принять из рук твоих венец страдальца,
С которым я на небеса предстану.

Басманов и Бельский опускают бердыши.

Придет пора, то время недалеко,
И смерть моя тебе завидна будет.

Дмитрий
Увести его!

(Идет к двери.)

Басманов
Пытать его прикажешь?

Дмитрий
Казнить его! Остановись, Басманов!
Простить иль нет?

(Молчание)

Жестокий, непреклонный,
Бесчувственный и твердый, как железо,
Безжалостен к себе народ московский;

Он милостей не ценит и не стоит.

(Указывая на Осипова.)

Стеречь его до моего приказа!
Свести в тюрьму!

(Быстро уходит.)

Басманов

Исполню, государь.

(Уходит.)

Василий Шуйский *(Голицыну)*

Вот мученик святой! Идя на смерть,
Он вымолвил пророческое слово:
«Завидовать моей ты будешь смерти».

(Уходит.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

ЛИЦА:

Дмитрий.

Пан Юрий Мнишек, воевода Сендомирский.

Марина Юрьевна, его дочь.

Камеристка.

Деревянная келья в Москве.

(5 мая 1606 года)

Входят Мнишек и Марина.

Марина

Скажи, отец, зачем меня, как птичку,
Здесь заперли?

Мнишек

Чтоб ты не улетела
От сокола, московского царя.

Марина

Ты знаешь сам, какой тяжелой цепью
Взаимных клятв, обетов, вздохов нежных
Мы связаны с державным женихом.
Как верны мы, и я и он, друг другу!
И вот за то должна я в заключение

Сидеть и ждать, когда угодно будет
Великому царю с собою вместе
Меня на трон московский посадить.
Смешной народ, обычаев старинных
Он изменить не может.

Мнишек

Если хочешь
Любимой быть, старайся сохранить
Обычаи и даже предрассудки
Земли, теперь родной тебе.

Марина

Стараюсь,
Хоть трудно мне и скучно привыкать
К поклонам их тяжелым, к дикой речи
И поступи размеренной и тихой...
А мой жених рядиться очень любит:
На дню пять раз переменяет платье.

Мнишек

Понравится естественно желанье
В таком живом и страстном человеке.

Марина

Мне нравится царицей быть московской,
А царь Москвы и неуклюж, и груб.

Ты на царя похож гораздо больше,
Чем Дмитрий мой, великий император.

Мнишек

Учить тебя не стану; ты сумеешь
И Польши честь, и гонор родовитых
Панов ее достойно поддержать
В Московии; но, кажется мне, слишком
Ты холодна с царем. Он обезумел,
Он все забыл, одной любовью бредит,
То шлет тебе подарок за подарком.
То рядится и только что не плачет.

Марина

А если так, ну, значит, не напрасно
Я холодна к нему. Отец! ты знаешь,
Что, слабые и робкие создания,
Мм, женщины, всю жизнь у вас под
властью,
И только раз, когда страстей горячка
Безумная кипит в душе мужчины,
Холодностью и строгостью притворной —
Имеем мы и власть над ним и силу.
В земле чужой нам золото и жемчуг
Не лишние, алмазы — те же деньги.
Он нам с тобой полцарства обещает,
Короновать меня царицей хочет;

Но я боюсь, что сам-то он недолго
Процарствует. Бояре Сигизмунду
Уж кланялись, просили Владислава,
А если он усядется и крепко
В Московии, кто знает, после свадьбы
Каков он будет! Грубая природа
В нем скажется. Отец, ты знаешь, z chaма
Nie będzie pana¹³.

Мнишек

Брось свои тревоги
О будущем! Живи и наслаждайся
Величием и баснословным блеском,
Дарованным тебе любовью царской
И неисчетной царскою казной!
Доверимся герою молодому:
Он ловко взял державу самовластья
И удержать ее сумеет крепко
В своих руках, а ты царя-героя
Великий дух любовью оковала
И удержать в цепях любви сумеешь.

Музыка за сценой. Входит камеристка.

¹³ из хама не будет пана (польск.)

Камеристка

Его величество войти изволил.

Входит Дмитрий в венгерском платье.

Мнишек

Ясновельможный панне, цесаревне
Марине Юрьевне всяя России,
Отец ее, пан Мнишек, бьет челом
И милостям ее себя вручает.
Между двоих влюбленных — третий
лишний.

Кланяется Дмитрию и уходит.

Марина

Его величество мне извинит
Невольное смущенье; мы так рано
Не ждали вас...

Дмитрий

Холодное смирение
В речах твоих, почтительная гордость
Навстречу ласк горячих и объятий.
Когда же я, у ног твоих, Марина,
Дождусь любви?

Марина

Величие героя

В челе твоём, высоко поднятном;
Все то, чем я гордилась издалека,
Вблизи меня пугает. Робкой деве
Слепят глаза блестящие наряды,
Толпы вельмож кругом тебя, и роскошь
Даров твоих, и раболепство слуг...
Почтительно сгибаются колена
Перед лицом твоим...

Дмитрий

Любви, Марина!

Одной любви! Одной любовью беден
На троне я. Все то, чем я владею,
Все взято с бою, силой, отнятое.

Марина

Любовь лишь там, где равенство.

Дмитрий

Забудем

Различие! Не царь, а шляхтич вольный
Перед тобой.

Марина

Вам забываться можно,

А мне нельзя.

Дмитрий

Перенесися в Польшу
Мечтой своей! Забудь, что ты в Москве!
Глухая ночь, гремит и воет буря,
Перед окном красавица тоскует
О рыцаре. Через горы и потоки
На бешеном, покрытом белой пеной,
Аргамаче он мчится, чтоб украдкой
Обнять свою любовницу.

(Обнимает Марину.)

Марина

(освобождаясь)

Довольно!

Велик простор тебе для самовольства
По всей Москве, а здесь мое владенье!
Царица я убогой этой кельи,
И здесь, за этой дверью, безопасной
Желаю быть.

Дмитрий

Глаза твои, Марина,
Презрением блеснули; эти взгляды
Ужасны мне. Не повторяй их боле,

Молю тебя. Они напоминают
Дни жалкие холопства моего,
Когда немой, трепещущий от страсти,
Земли и ног не чуя под собой,
Из-за угла следил я жадным взглядом
Шаги твои, и ты, проникнув дерзость
Надежд моих, с улыбкою змеиной
Глядела на меня и обдавала
Презрением от головы до ног.
Обиды нет обиднее тех взглядов:
Их вынести не мог я никогда;
Железная природа уступала
Их жгучести — и я, в слезах, без пищи,
В горячечном бреду, больной, метался
И день и ночь! Я болен и теперь:
Дай руку мне, до головы дотронься!
Вся кровь горит, дрожит и холодеет
Рука моя, — мой голос рвется, слезы
Сжимают горло и готовы хлынуть,
Свинцом лежит в груди тяжелым сердце!
Скажи, Марина, чем, какую жертвой
Мне заслужить любовь твою и ласку?

Марина

Московский царь, я лаской не торгую.

Дмитрий

Но если ты не хочешь оценить
Даров моих, позволь же мне, Марина,
Слезами и коленопреклоненьем
Молить любви твоей

Марина

Ни унижаться,
Ни унижать меня я не позволю.
Сравнять меня с собой у вас есть средство

Короновать меня. Перед царицей
Вы можете тогда склонять колена,
Не унижаясь, — я тогда без страха
Могу обнять, как равного, тебя.

Дмитрий

Короновать? Да разве ты не будешь
Царицею, со мною повенчавшись?

Марина

Нет! Русские царицы только жены
Мужей-царей — по мужу лишь царицы;
Затворницы, пока мужья их живы,
По смерти их — живые мертвецы,
Монахини без власти и значенья.
А я хочу теперь короноваться,

Девницею, и мне твои бояре
И воинство пусть так же крест целуют
На подданство, как и тебе.

Дмитрий

Не знаю,
Не слыхано в Руси такое дело.

Марина

А где ж любовь твоя?

Дмитрий

А где ж награда
За все мои бесчисленные жертвы?

Марина

Последнюю мою исполни волю,
И жди себе награды — я твоя;
А без того назад уеду в Польшу.

Дмитрий

Приказывай! Назначь нам день и час;
Я прикажу собраться духовенству,
И нынче же напишем чин венчанья.

Марина

Я завтра перееду во дворец,

А послезавтра день коронованья.

Дмитрий

Исполню все.

Марина

Спешить приготовленьем

Мне надобно. Прощай, до новой встречи

В дворце твоём!

Дмитрий

Хоть руку на прощанье

Облобызать позволю.

Марина

В твоём желанье

Не в силах отказать тебе. Изволь!

Прощай, мой царь.

Дмитрий

(целуя руку)

Прощай, моя царица.

Марина

(обнимая его)

Иди! Иди! Безвременною лаской
Не уменьшай бесспорных наслаждений!
Ты видишь ли, я берегу себя
Лишь для тебя, мой царь и повелитель!

Дмитрий

Владычица моя, я власть слагаю
У ног твоих; повелевай отныне
И мной самим, и целым государством.

Марина

Да будет так! Я принимаю! Amen!¹⁴

(Кланяется и уходит.)

Дмитрий быстро убегает.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

ЛИЦА:

Василий Шуйский.

Дмитрий Шуйский.

Голицын.

Куракин.

¹⁴ Аминь! (*лат.*)

Татищев.

Калачник.

Дворецкий.

Дворяне, боярские дети, головы, сотники и стрельцы новгородские и псковские, купцы и простой народ.

*Верхние сени в доме Шуйского. Темно.
(11 мая 1606 года)*

Выходят из освещенной комнаты Василий Шуйский, калачник с восковой свечой в руке и дворецкий.

Василий Шуйский

А крепко ль мы живем, Иван? В кольчуге,
Я вижу, ты; меня-то бережете ль?

Калачник

И красные, и задние ворота
С дубинами робята берегут;
По улице в проулках, перекрестках
И по концам поставлены рогатки —
Ни конному, ни пешему нет ходу,
Кромя своих. На страже у рогаток,
Для случая, готовы верховые.
Я ставил сам и обходил дозором —
Я для того кольчугу и надел.

Василий Шуйский

Что бережно, то цело.

Калачник

Мы кольчуги

По твоему приказу отобрали

Из кладовой. Кому раздать, я знаю.

Кого но жаль, кому и жизнь копейка,

И голова не стоит ничего,

На них-то я кольчуги и надену.

Я рать сбору из вольницы московской;

Мы выпустим сидельцев бражных тюрем,

Цепных воров с Варварского крестца!

И эту рать удалую навстречу

Пищального огня я поведу.

Мы вашу грудь своею загородим;

За головы разумные бояр

Мы головы дешевые положим...

Зажечь огня?

Василий Шуйский

Одной свечи довольно.

Держи в руках! Не свадьбу мы пируем...

(Дворецкому.)

Сбираются?

Дворецкий

Понабралось довольно,
Внизу полно. В сенях стрельцов поставил,
Торговый люд в поварне, в черных избах.

Василий Шуйский

А лишних нет?

Дворецкий

Кажись, что не бывало.

Василий Шуйский

Осматривай по одному! Чужого
Опрашивай: зачем пришел, откуда,
И кто привел? Когда позвать прикажем,
Пускай наверх без шуму, с береженьем!
Теперь ступай!

Дворецкий уходит вниз.

Бояре, выходите!

*Выходят Дмитрий Шуйский, Голицын,
Куракин, Татищев, дворяне, дети боярские и
головы стрелецкие.*

Голицын

Довольно с нас обид и униженья
От гордости поляков, нестерпима
Их пьяная хвастливость.

Куракин

То и дело
Мы слушаем от них, что нам, холопам,
Приятеля паны на царство дали;
Что служим мы холопски, что с панами
Вельможными мы честью не равны.
Потешились над нами наши гости,
И будет с них; пришел конец их панству,
Конец царьку и нашему холопству.

Голицын

Пора уж нам почет, боярам, видеть!
Мы выберем себе царя меж нами,
Боярского царя.

Дмитрий Шуйский

Опасный шаг!
Храни Господь!

Голицын

Не все ж играть в игрушки!
Пора боярам послужить земле.

Татищев

Боярами земля стоит от века,
Не выдать же чужим родную землю.

Василий Шуйский

Народ слепой, мы зрячие, мы видим,
Куда идти, чего хотеть народу.
Боярство — Русь великая, а земство
Идет туда, куда ведут бояре.
Народ возьмет, что мы ему дадим,
И будет знать, что мы ему велим.
Для наших дней и для потомков наших
Покроем мы все замыслы и думы
Глубокою и вековечной тайной.
Пусть люди нас не судят, судит Бог!

Дмитрий Шуйский

А страшно, брат!

Василий Шуйский

Кого же нам бояться?
И царь слепой, и так же слеп и прост
Бесовозлюбленный его советник.
Басманову ли править государством!
Он под носом не видит ничего.
Борисовы ученики, мы Грозным

Воспитаны, и нас не проведешь!
Не им чета! Вот мы умеем править
Землей своей, вести народ умеем.
По выбору и ложь и правда служат
У нас в руках орудием для блага
Народного. Нужна народу правда —
И мы даем ее; мы правду прячем,
Когда обман народу во спасенье.
Мы лжем ему: и мрут и оживают
По нашей воле люди; по базарам
Молва пройдет о знаменьях чудесных;
Убогие, блаженные пророчат,
Застонет камень, дерево заплачет,
Из недр земли послышатся глаголы,
И наша ложь в народе будет правдой,
В хронографы за правду перейдет...

Татищев

Великая боярская опора,
Василий, княж Иваныч, за тобою,
Как стадо мы. Не закрывай уста!

Василий Шуйский

Была пора, нам ложь была нужна,
Мы ею Русь спасали от Бориса;
Но выросла та ложь треглавым змеем,
Свила гнездо себе в чертогах царских

И ересь дохнула на Россию,
Детенышей развестъ грозитъ, хочет
Облапить Русь погаными когтями.
Пришла пора покаяться, бояре,
Пришла пора виниться в воровстве.
Мы про себя и про царя народу
Всю правду скажем. Эй! Зови народ!

Калачник

(с лестницы свищет)

Дворецкий показываетъ.

Веди народ!

Василий Шуйский

Бояре, честь и место!

Усаживаются. Народъ всходитъ по лестницамъ.

Вошли?

Дворецкий

Вошли.

Василий Шуйский

Закройте западни!

Голоса

Челом тебе, боярин

Калачник

Тише, тише!

Один из толпы

Бояре все, князя да воеводы,
И кланяться кому, не разберешь.

Калачник

Один поклон отвесь на всех, и будет.

Василий Шуйский

Честной народ, господним попущеньем
Мы нажили беду себе на плечи,
Великую и земскую беду.
Нам жить нельзя. А если б можно было,
Не стали б мы — бояре — собираться,
Совет держать украдкой, по ночам,
Не стали б мы и люд честной тревожить.

Голоса

Само собой! — Известно, что не стали б.

Василий Шуйский

Диавольской мечтой и омрачением,
И нашим воровством у нас на царстве
Не царь, а вор, расстрига утвердился.
За воровство простите нас! Я первый
Прошу у вас прощенья!

(Кланяется.)

Мне царевич
Известен был — я хоронил его.

Голоса

Ну, как тебе не знать! — Известно, страхом
Заставили расстриге поклониться.

Василий Шуйский

Когда Борис холопам за доносы
Стал вотчины боярские давать,
Давил, как мух, боярство, половину
Извел его, а черного народу
И счету нет, терпенья нам не стало.
Щадя себя, мы думали, гадали
Избыть его, и нам Господь помог.
Явился вор в Украине, объявился

Димитрием, Литва заликовала,
Вся Сивера без бою отдалась,
За ней Рязань, казачество толпами
Пошло к нему — войска и воеводы
Борисовы служили неохотно
И скоро все передались за вора,
Винясь ему в измене небывалой.
Вздохнула Русь. Греха таить не стану,
Заведомо мы вору покорились;
Кто волей шел к нему, а кто от страха...

Голицын

И воля нам невольная была.
Небось своя рубашка к телу ближе.
Мы ведали, что волей, что неволей
Бесчестною, с веревкою на шее,
А быть за ним; так лучше волей с честью
Служить ему, и шли к нему охотой.

Василий Шуйский

Разумен он и молод; мы гадали
И чаяли, что будет он боярский
Совет любить и нас держать в почете,
Блюсти закон и чтить святую церковь,
Обычаев отеческих держаться.
Ошиблись мы! Вы видите и сами,
Таков ли он! Среди церквей соборных

Поставил он костелы езовитам,
Навел орду гостей разноязычных,
Еретиками Кремль заполонил,
Священников и нас, бояр, повыгнал,
Забрал дворы и отдал их полякам.
Из Польши взял латинской веры девку,
И, не крестя ее, венчался с нею
Под пятницу, под праздник годовой!
В монастыре держал ее до свадьбы;
Суреньщиков с гудками, трубачеев
Водил туда и всяких скоморохов.
Толпы бродяг с ругательством и шумом,
Оружием звеня, по храмам бродят,
Бесчинствуя над нашею святыней.
Так вот дела! Как знаете, судите,
Друзья мои!

Голоса

Не нам судить! — Не наша —
Боярская забота думу думать. —
Судите вы, бояре; мы за вами.

Василий Шуйский

Ограбил всю и промотал дотла
Копленную казну царей московских.
То в Польшу шлет, то здесь дарит полякам

Без разума, без счета — точно ворог
Земле своей и царству разоритель.
Сплотили мы, скрепили государство,
А он его опять разносит врозь.
Всю Сиверу за дочь сулит он тестю,
А королю за сватовство — Смоленск.
А вас, друзья мои, новгородцы,
Со всей землей и Псков еще в придачу —
Жене своей, Марине, отдает,
И вольно ей латинские костелы
По городам новгородским ставить.

Новгородские стрельцы

О Господи! Вот грех какой! — Боярин,
Вступишь за нас! — Василий, княж Иваныч,
Твой род служил новгородской воле
До самого конца ее.

Псковские стрельцы

Твой братец
Двоюродный, Иван Петрович, Пскову
Защитник был от страшного Батуры.

Василий Шуйский

Терпеть ли нам и ждать сложивши руки,

Пока бояр поляки изведут
И волости московские поделят,
Погонят вас, как стадо на убой,
Латинские обедни слушать силой!
Терпеть ли нам? Судите как хотите!

Голоса

Нельзя терпеть! — Нельзя терпеть, боярин!
Избыть беды! — Избыть! Чего тут думать!
Немало нас — мы встанем за один.

Василий Шуйский

Я раз лежал под топором на плахе,
Народ молчал, никто не шелохнулся.

Голоса

Прости ты нас, боярин! — Нам расстригу
Доподлинным царевичем казали.
Мы верили боярам.

Василий Шуйский

Виноватых
Я не ищу. Меня небесный промысл
Помиловал и сохранил для мести.
Я смерти ждал; мальчишка вздумал шутки

Шутить со мной — я шуток не люблю,
Для шуток стар я. Вывести на потеху
Народную седого старика,
Боярина, опору государства,
Под топором держать его на плахе,
Потом дарить непрошеным прощеньем!
Я осужден соборным приговором:
Казни меня, но не шути со мной!
С врагом шутить и глупо и опасно!
Врагов губи! Будь он в моих руках,
Я с ним шутить и нянчиться не стану.
Я видел смерть и, если будет нужно,
Готов опять идти навстречу смерти,
Но головы терять не стану даром.
Уж умирать, так всем: мы смертью купим
Живот себе.

Голоса

Мы все умрем, боярин!
Какая жизнь у нехристей под властью!
Душа нужней — без Бога не прожить! —
Антихристу служить тяжеле смерти! —
Ордой идти не страшно! — Грянем разом,
Так дым столбом — сыра-земля застонет.
Кажите нам дорогу, мы за вами! —
Мы шапками поляков забросаем! —

Давайте нам работу!

Калачник

Тише, тише!

Василий Шуйский

Ну, если так, и ладно. Вы, покуда
Пора придет, товарищей собирайте:
Вы, головы и сотники, по сотням,
А вы, купцы-торговцы, по рядам!

Татищев

Вы кучами, толпами не сходитесь!
По одному, тихонько, с глазу на глаз
Ведите речь толково: что, мол, время
За веру стать, что больше православным
Терпеть нельзя.

Голоса

Да ладно, ладно! — Знаем,
Кому и как сказать. — Святое дело
Без разума и толка не начнем.

Василий Шуйский

Так по рукам!

Голоса

Ударимся, бояре!

Бояре встают и подходят к народу.

Василий Шуйский

Давай друг другу! Помните: где руки,
Там — головы. Рука божбы дороже!

Голоса

Моя рука! — Еще рука! — За братьев,
За всех своих товарищев!

Сотник

За сотню!

Голоса

За тысячу!

Купец

За весь иконный ряд!

Василий Шуйский

Ну, слушайте, робята!

Калачник

Тише, тише!

Василий Шуйский

Неделю вам я сроку дам; в субботу
Зарю встречай и поджидай работу!

Татищев

Готовь мечи, ножи, точи булатны!

Василий Шуйский

И разом в сход, как загудет набатный.

Голоса

В набат! В набат!

Голицын

Готовься, жди набата!

Калачник

Всю ночь не спать, набата ждать!

Василий Шуйский

Робята!

Заслыша звон, со всех сторон московских

Сбирайся в сход вблизи ворот Фроловских
И в Кремль за мной вались толпой!

Голицын

Укажем,
Кого искать, с кого начать.

Татищев

Намажем
Дворы чужих, кресты на них напишем.

Калачник

Всю ночь сиди, набата жди!

Голоса

Услышим!
Глухие, что ль! — Невесть отколь
нагрянем!

Голицын

Поможет Бог, врагов врасплох застанем!

Голоса

Зачем собирать большую рать и силу!
Один с копьём, другой с дубьём под силу!

Ведите нас! — Идем сейчас на драку!
Зачем терпеть, чего жалеть собаку!
Робята — в Кремль!

Василий Шуйский

Потише!

Калачник

Тише, тише!

Василий Шуйский

Смирней, друзья! Не бунт мы затеваем!
О чем шуметь! Святое наше дело.
Придет пора и время; мы за веру
Иконами, крестами ополчимся,
Помолимся и скажем: с нами Бог!

Голоса

Ты всем глава. —
Что скажешь, то и будет.

Василий Шуйский

(кланяясь)

Спасибо вам за ласку и раденье!
Бог помочь вам и нам! Ступайте с Богом,

По одному, без шума, не спеша!

Голоса

Челом тебе, боярин, за науку! —
Челом тебе за ласковое слово! —
За все челом, и вдвое за любовь.

Кланяются и сходят с лестницы.

Василий Шуйский

(боярам)

Пойдем, друзья, досиживать до свету!
В Кремле сидят, а мы не хуже их!

Уходят все, кроме Голицына и Куракина.

Голицын

Толкуй себе: «Не бунт мы начинаем!»
Чего ж еще, коль это уж не бунт!

Куракин

Какой же бунт! Василий свет Иваныч,
Что ни начни, все свято у него!
Заведомо мошенничать сберется
Иль видимую пакость норовит,
А сам, гляди, вздыхает с постной рожей
И говорит: «Святое дело, братцы!»

Уходят.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

ЛИЦА:

Калачник.

Юродивый.

Иванушка-дурак.

Повар дворцовый.

Старик *столетний из Углича.*

Купцы, стрельцы, разные мелкие торговцы, мальчишки, простой народ и странники. Рота немецких алебардщиков с капитаном; десятские.

Улица в Китай-городе.

(12 мая 1606 года)

Проходит толпа разного народа. Четверо купцов; кругом разговаривающих постепенно собирается толпа.

1-й купец

Чего нам ждать! Час от часу не легче!

Приехали на свадьбу, а возами

Оружия с собою навезли...

И понимай как знаешь!

2-й купец

Понимать-то

Тут нечего! Яснее свету дело:

Пришел конец, забрались волки в стадо.

1-й купец

Большой наряд за Деревянный город

Поволокли и ставят на лужку,

У Сретенских ворот, полево Красных

Слобод.

3-й купец

Зачем?

1-й купец

А разве ты не знаешь!

Бояр губить — своих поляков тешить.

Назначен бой примерный в воскресенье,

И перебьют бояр до одного.

4-й купец

Не может быть! А волости царевы

Кому держать?

1-й купец

Поделят их полякам,
По городам латинство заведут.

3-й купец

Беда бедой, живой ложись в могилу!

1-й купец

Велик Господь! Ты бойся, да не очень!
Вы помните, что прежде воскресенья
Субботный день бывает.

4-й купец

Это верно.

1-й купец

Сиди да жди субботы!

(Уходит.)

2-й купец

Не мешает
Дубинки нам, робята, заготовить,
Чтоб было чем подчас оборониться.

Выходит толпа поляков, слуг Вишневецкого.

Поляки

Эй, хлопцы! Прочь с дороги!

Голоса

Разойдемся!

Простор велик в Москве, гуляй где хочешь! —

А тесно вам у нас — гуляйте в Польшу!

Поляки

Стрелять по вас, холопская порода!

Мальчишки

(прыгая)

Ну, застрели! Ну, застрели! Не смеешь! —

Поляки! У! — Безмозглые поляки! —

Пучки, глаголи, лысые затылки!

Поляки бросаются с саблями на мальчишек.

Голоса

У нас не так; по-нашему-то вот как! —

Валяйте их камнями, робята.

Бросают камнями в поляков, те скрываются в ворота дома, занимаемого Вишневецким; выходят пятеро небогатых посадских.

1-й посадский

Его с двора прогнали, а поляков
Поставили.

2-й купец

Кого его?

1-й посадский

Попа
Чертольского, от Знаменья. Строптивный
Старик такой.

2-й посадский

Ну, что же?

1-й посадский

Ну, и слушай!
Обедню он, как надо, отслужил;
Ектению проговорил честь честью;
«Благочестивого» сказал порядком,

А после в алтаре тихонько проклял.

3-й посадский

Анафемой?

1-й посадский

Анафемой!

4-й посадский

Да правда ль?

1-й посадский

Все слышали.

2-й посадский

Зачем бы гнать попов?

Помимо их других дворов довольно.

1-й посадский

Монастыри хотят теперь очистить,

Прогнать из них монахов и монахинь.

3-й посадский

А где ж им жить? В миру соблазна много.

1-й посадский

Монахам жен дадут, монахинь замуж
Повыдадут. А кто не пожелает,
Тому конец.

5-й посадский

Ни в жизнь я не поверю.

1-й посадский

Ты верь не верь, а деньги обирают
В монастырях; не проживешь без денег.

2-й посадский

И деньги-то святые: на строенье
Да за душу миряне подавали;
А их возьмут, полякам раздадут.

Десятский

Чего вы тут! Зачем собрались кучей?
Петр Федорыч толпиться не велел
По улицам.

1-й посадский

Иди своей дорогой,
Покамест цел. Не трогают тебя.
Не приставай и ты, дружок!

Входит калачник и уставляет лоток.

Калачник

Торгую!
Вались народ со всех ворот. Горячи!
Горяченьки калачики!

Входит дворцовый повар, пьяный.

Повар

(сам с собою)

Утя ли
Перченное... кострец лосин... осердые
Крошеное... рожновое курия...
Иль ряб под сливами... я всё умею!

Калачник

Один подшел, почин пошел, горячих!
Не обожгись, смотри!

Торговка

(с грешневиками)

Напек, нажарил
Кривой хозяин; скриву не видал.
Больших давал. Подуйте, да и жуйте!

Повар

Опять же гусь, и лебедь, и журав...
Как хочешь их... и потрохи, и крылья...
В рассол могу инбирный с огурцы...

*Выходят странник и молодой стрелец; их
окружает всякий народ.*

Странник

Он вор прямой! Я лгать тебе не стану;
Убей меня Господь на этом месте!
Какая стать природному царю
Закон менять, а он его меняет.
Не то что царь, а мы, простые люди...
Примерно ты, пойдешь ли ты венчаться
Под пятницу, под вешнего Николу?

Стрелец

Болтай еще! Какая мне неволя!

Странник

А кто его неволил!.. Это раз!

Другой тебе: венчался с некрещёной.

Стрелец

А патриарх?

Странник

Игнатий-то? Потатчик,

И пьяница, и еретик известный...

А вот тебе и третий: в бане не был

До сей поры, не мывшись в церковь ходит.

Стрелец

Да правда ль, друг?

Странник

Спроси других. С царицей

По пятницам телятину едят.

Повар

(прислушиваясь)

Телячьих мяс я жарить не согласен
По пятницам... и что за сладсть такая!
Показана тебе в писанье пища...

Стрелец

Ты кто такой, приятель?

Повар

Царский повар.

Странник

Ну вот, спроси!

Стрелец

Скажи, дружок, по чести,
Телят у вас к столу цареву носят?

Повар

Неужто ж нет! Нарядят, изукрасят
Всего, как есть, с рогами постановят,

Да так и жрут. Поганая Марина
И поваров из Польши привезла,
А нас прогнали, друг; мы не умеем...
Гуляй теперь по всей Москве, где знаешь.

Входит старик.

Калачник

(старику)

А, дедушка! Отколь Господь несет?

Старик

Из Углича, родимый, поклониться
Угодникам московским.

Калачник

Дело вздумал!
Честной народ, подвиньтесь-ка поближе!
Нам дедушка про Углич порасскажет.

Народ окружает старика.

Ты в Угличе Димитрия видал ли
Царевичем? А буде не случилось,
Так погляди его царем у нас!

Старик

Сто лет живу, из Углича ни шагу
Не выходя: царя Ивана помню.
Назад тому лет будет полусотня,
Он был у нас в гостях, у брата Юрья
Василича, и с ним на богомолье
В обители окрестные ходили.
А Дмитрия-царевича не то что
Я видывал, и нянчить приходилось.
Кораблики ему, бывало, строил
Лубочные — потешиться: по Волге
Любил пускать...

Голос из толпы

Ступай к нему; он вспомнит,
Пожалует тебя.

Старик

Кривить душою
В мои лета какая мне неволя!
Царевич жил и рос в моих глазах,
Я, в самый день безбожного убийства,
Его живого видел у обедни;
К убитому всех прежде прибежал,

Стоял над ним, зарезанным, и плакал.
При мне его в могилу опустили.
И с той поры наш Углич запустел;
Унес с собой царевич наше счастье.

Голоса в толпе

Болтай еще! — В застенке побываешь! —
Пойдемте прочь; мы глухи, не слыхали.

Старик

Ни в милостях его я не нуждаюсь,
Ни гнева не боюсь! Сто лет я прожил,
Еще ста лет не проживу; о лишнем
Десятке дней и спорить нет расчета.

Десятский

Вязать его! Робята, помогите!
Десятские!

Калачник

Кричи, собирай десятских!
Помогут ли они тебе, посмотрим!
Ты лет не чтишь, ты сдуру поднял руки
На старика седого! Ну, так стой же!
Учливости я выучу тебя.

(Хватает его за ворот.)

Десятский

Ты что шумишь? Ты сам-то что за птица?

Калачник

Что я-то?! Я не сыщик, не доносчик;
Я — весь народ московский; вот кто я!
Ты радуйся, что мы покуда тихи.
Берись за ум, одну с народом песню
Затягивай! А то беды дождешься;
Возьмем дубье, и вам, с панами вместе,
Достанется, басмановские псы!

Десятский

Тебя, дружок, вязать-то! Эй, робята,
Держи его!

Калачник

Убью тебя на месте,
Анафема! Зубами загрызу!

(Роняет десятского)

Давайте нож! Берите, братцы, колья!
Убьем его до смерти! Жил собакой,
И умирать ему собачьей смертью!

Десятский

Да смилуйся! И сам не стану трогать
Честной народ, и закажу другим.

Голоса

Убей его! — Туда ему дорога! —
Кончай его скорей!

Десятский

Пустите душу
Покаяться!

Калачник

Ну, черт с тобой! Смотри же
Держи язык на привязи! Своруешь —
Везде найду, и не проси пощады!
Не жить тебе!

Входит юродивый в польской шапке.

Голос из толпы

Афоня, ты отколе?

Юродивый

На свадьбе был и мед и пиво пил.

Невесело!

Голос

Зачем ты в польской шапке?

Юродивый

Наденем все. Митрополит казанский
Не захотел надеть, его сослали —
Сослали, да! В цепях и заключенье
Томят его.

Калачник

Садись со мной, убогий!
Сыграем в зернь! Покажем православным,
Какой игрой своих поляков тешит
Московский царь, чтоб им не скучно было.

На тебе шапка кругла,
На четыре угла;
Ты будешь поляк,
А я русак —
И будет дело так.

Мы наперво на Новгород сыграем!

Играют вместо костей камешками.

Ну, Новгород тебе я проиграл.
Теперь на Псков...

(Народу.)

Да что же это, братцы!
Никак, ему и Псков я проиграл.
Куда ни шло, на Северскую землю!..
Ахти, беда! Совсем я проигрался.
Осталось мне московские соборы
Проигрывать полякам.

Вбегают купец.

Купец

Защитите,
Родимые! Напали полячишки
Проклятые, отбили силой дочку.

Калачник

А где они?

Купец

Да вон бегут! Родную
К себе тащат.

Поляки с девушкой у ворот дома, где стоит Вишневецкий.

Калачник

Денной разбой, робята!

На выручку! Работай чем попало.

Разбивают разножки, на которых ставят лотки, и обломками дерутся с поляками. Отбивают девушку. Из ворот выходят люди Вишневецкого с ружьями.

Калачник

С пищалями?! Скликай народ, робята!

Голос

Вались, народ! Обидели поляки!

Прибегают несколько человек и Иван-дурачок.

Мальчишки

Иванушка! Иванушка-дурак!

Калачник

Иванушка! Кричи, что силы хватит;

Сзывай народ! Кричи: поляки бьют!

Иван

Поляки бьют! Поляки наших бьют!

*Сбегаются народ, слуги Вишневецкого
стреляют холостыми зарядами, уходят в ворота и
запирают их.*

Калачник

Давай сюда камней, поленьев, бревен!

Несут бревно.

Берись дружной, высаживай ворота!
Раскачивай! Затягивай дубинку!

*Несколько человек запевают песню «Ах ты,
дубинушка, ухни!», раскачивают бревно и бьют в
ворота; дурак кричит. Показывается рота немцев
с капитаном и начинает напирать на народ.*

Капитан

(народу)

Пошел домой! Ходи домой! Ihr,
Schurken!¹⁵

¹⁵ Вы, негодяи (нем.)

Калачник

(прячась за дурака)

Иванушка, сучи кулак на немцев!

Иван

(засучив рукав)

Ну, выходи!

Калачник

Ругни их хорошенько!

Иван

Проклятые, с своим царем проклятым!

Капитан

Бери его! Вяжи! Das ist ihr Hauptmann! 16

Весь народ разбегается. Дурака уводят немцы.

16 Это их атаман! (нем.)

СЦЕНА ПЯТАЯ

ЛИЦА:

Дмитрий.

Марина.

Олесницкий, *каштелян мологоский; посол Сигизмунда.*

Шуйский.

Голицын.

Юрий Мнишек.

Вишневецкий Константин.

Бучинский.

Иван-дурак.

Музыканты, песельники, стража; поляки и польки, родственники Марины и гости.

Зала в новом дворце.

(13 мая 1606 года)

Выходят Дмитрий и Олесницкий; за ними бояре: Шуйский, Голицын; паны: Мнишек, Вишневецкий и другие; Марина со своей свитой.

Дмитрий

Пан мологоский! брата Сигизмунда

Сомнительно ко мне расположенье.

Не вижу я любви его. Скитальцем
Я в Кракове почету больше видел,
Чем здесь теперь, когда я сел на царства
Великие, когда страны полночной
Единым обладателем я стал.
По-братски ли не признавать титулов
Наследственных, от Бога нашим предкам
Дарованных? Титулы много значат,
Когда они действительны: не словом,
А делом я коронами владею
Великих царств. Мы брата Сигизмунда
Наследственных титулов не лишаем
И королем наследным свейским пишем,
А он король — лишь только на бумаге.
Дивлюсь ему! Иметь в своем титуле
Наследные права и спать спокойно!
Имей-ка я хоть тень такого права,
Я б свейскую корону с боя отнял.

Олесницкий

У нас земля свободная: не могут,
Для личных прав и выгод, короли
Покой страны и подданных нарушить.

Дмитрий

А если так, я б вашу Польшу бросил,
Без вас бы отнял свейскую корону,
Потом бы стал и Польшу доставать...
А впрочем, пан, оставим разговоры.
Мы вечер посвящаем на забавы.
Я утром — Царь, а вечером — любовник,
Вздыхающий у ног своей богини.

Марина

Мы танцевать хотим!

Дмитрий

Здесь ваша воля —
Закон для нас. Эй! Музыку и песен!

Музыка. Царь с царицей и поляки танцуют польский.

Олесницкий

(Василию Шуйскому)

Москва шумит, поляков обижают.

Василий Шуйский

Вельможный пан боится хлопов глупых?

Олесницкий

Вельможный пан боится или нет,
Он знает сам про то; а Шуйский знает,
Что чернь в Москве недаром зашумела.

Василий Шуйский

Послов не бьют.

Олесницкий

Пока страна покойна.

Василий Шуйский

Скажи царю, просите для защиты
Стрельцов себе!

Олесницкий

Царю мы говорили;
Не верит нам.

Василий Шуйский

Басманову скажите!

Олесницкий

Покойней нам, вернее, если Шуйский

Поручится за нашу безопасность.
Дай руку, пан!

Василий Шуйский

Изволь! Ручаюсь Богом,
Что волосом тебя никто не тронет.

Олесницкий

(показывая на Юрия Мнишка)

Без шапки воевода Сендомирский
И спину гнет на старости кольцом.

Василий Шуйский

Тебе пример дает.

Олесницкий

Я понимаю.

Проходят.

Вишневецкий

(Мнишку)

Случись еще подобная тревога,
Я жолнерам стрелять велю.

Мнишек

Потише!

Мы гости здесь.

Вишневецкий

Тем хуже! Царь московский,
Не выдавай гостей своих в обиду!
Кацапов глупых тысячи четыре
Вчера сошлось с дубьем к моим воротам.
Аль царь забыл, так я ему напомню
И подданным его, что Вишневецким
Он сам служил холопом при конюшне.
Он должен бы беречь моих холопов,
Они ему товарищами были.

Мнишек

Не обижай меня и дочь-царицу,
Прошу тебя! Мы после, Вишневецкий,
Поговорим с царем наедине
И выпросим охраны понадежней.

Подходят Шуйский и Голицын.

Голицын

У вас паны мазурку лихо пляшут,
Глядеть на вас потешно.

Василий Шуйский

Не мешает
И нам себе завести такую пляску,
Особенно на свадьбах.

Вишневецкий

Мы, поляки,
Когда у нас нет дела иль войны,
Хоть каждый день плясать готовы.

Голицын

То же
И мужики у нас: как пьян, так праздник,
И заплясал.

Вишневецкий

Вам надо поучиться
У рыцарей и делу и забавам.

Голицын

Ну, дело-то мы знаем без ученья,
А пляскам вот не худо поучиться.
Да только мы, паны, не будем сами
Боярских ног ломать другим в потеху:
Холопов мы по-польски изнарядим

И забавлять себя велим мазуркой.

Вишневецкий

(Мнишку)

Moskiewskie barbarzyństwo¹⁷.

Отходят.

Голицын

Так-то лучше!

Басманов

(Шуйскому)

Скажи мне, князь Василий, ты московский
Простой народ как на ладони видишь,
Откуда в нем такая перемена?

Василий Шуйский

А как мне знать! С утра до поздней ночи
Я во дворце толкусь, у государя;
Сегодня пьян, а завтра сплю с похмелья —
Я ничего не вижу и не слышу.

¹⁷ Московское варварство (*польск.*).

Басманов

Мятеж в Москве.

Василий Шуйский

Ты что ж не унимаешь?

Басманов

Унять народ легко — добраться нужно,
Кто возмутил, кто вести распускает.

Голицын

Разыскивай!

Басманов

Сказать ли государю,
Иль подождать?

Василий Шуйский

Скажи, правее будешь.

Басманов тихо говорит с Дмитрием.

Голицын

(Мнишку)

Вельможный пан, ты видишь, мы хлопочем
О тишине и вашем усюкое.

Мнишек

Dziękuję¹⁸, пан Голицын; мы за ласку
Заплатим вам.

Вишневецкий

Мы вас за то похвалим
Перед царем, которого из Польши
Мы дали вам.

Голицын

А из чего ж мы бьемся.

Дмитрий и Басманов подходят.

Дмитрий

(Мнишку и Вишневецкому)

Мой глаз везде, мне тотчас все известно;
Без ведома и воли нашей, царской,
Ничто в Москве не может совершиться.
Вам можно спать спокойно. Мы за это
Поручимся. Разведайте, бояре,
О чем шумит народ, чего он хочет?

¹⁸ Благодарим (*польск.*).

Василий Шуйский

Признаться, я большой беды не вижу
От драки пьяных польских челядинцев
С торговцами московскими. Однако ж
И разыскать виновных не мешает.

Вишневецкий

Вдвоем, втроем дерутся — будет драка;
А в тысячах не драка уж, а бунт.

Василий Шуйский

Пословица такая есть: «У страха
Глаза велики», — пан ясновельможный!

Дмитрий

Народный шум гостей моих пугает;
Уверьте их, бояре, что я принял
Свою державу крепкою рукой.

Василий Шуйский

Бог дал, у нас народ не то, что в Польше:
Земля царю, а царь народу верит.
У вас мятеж и рокош¹⁹ каждый день.

¹⁹ Рокош — крамола, измена, мятеж

А если вам и тут все рокош снится,
Для верности прикажем днем и ночью
По улицам стрельцам ходить дозором...
Не разберешь, кто прав, кто виноват!
Вчера, в ночи, поляки на Никитской
Боярыню насильно из повозки
Уволокли.

Дмитрий

Вы слышите, паны!
Все разыскать и наказать виновных!
Потачки нет ни русским, ни полякам.

Бучинский входит.

Ты, Ян, зачем?

Бучинский

От немцев с донесеньем.

Дмитрий

О чем еще?

Бучинский

Они уведомляют
О мятеже в Москве.

Дмитрий

Вы надоели

Мне с мятежом.

Бучинский

Мятежников прогнали,

Разбили в пух. Зачинщик-предводитель

Попался в плен и приведен сюда.

Он поносил тебя позорной бранью.

Василий Шуйский

Диковина! Откуда только смелость

Доносчики берут царя тревожить

В такие дни! У государя гости,

Он целый год царицу ждал в Москву;

Привел Господь, соединил их браком;

На первых днях медовых друг на друга

Глядеть бы им да любоваться только,

А немцы тут с доносами. Басманов,

И ты туда ж! Да разве нет боярства!

Иль думы нет у цесаря! Не хуже

Басманова мы бережем его!

Скажите нам, мы разберем, в чем дело,

Не доводя напрасно до кручины

Державную чету.

Дмитрий

Скажите немцам,
Что верности их верю и доволен
Их службою, за преданность хвалю;
Но если преданность еще покажут
Такою же, велю их батогами.
Пойдем, паны, и снова отдадимся
Веселию — тяжелые заботы
Правления на верных слуг возложим.
Бояре, вы сейчас же допросите
Изменника и разберите дело!

Шуйский и Голицын уходят.

Басманов

(Дмитрию)

Темна вода во облацех небесных!
Не Шуйский ли затейщик этой смуты?

Дмитрий

Подозревать бояр своих ближайших
И каждый час беречься их измены —
Так жить нельзя. Ты выведи мне ясно
Изменников, я их не пожалею,
Не только Шуйских, половину думы
Казнить велю сейчас; а без улики
Они — друзья мои, и я им верю...

Басманов! нам с тобой бояре нужны.
Правители плохие мы: не знаем
Цены казне, цены своим речам —
Мы воины. Сноровка вековая.
Боярская, за нас управит землю,
Поддержит честь ее в делах посольских;
А мы с тобой все лето воевать,
А зиму всю гулять да пировать.

(Жмет ему руку.)

Марина

(Дмитрию)

Какой-то бунт, я слышала, бояре
Затеяли. О чем они бунтуют,
Вели спросить да запереть их крепче,
И танцевать начнем с тобою снова.

Дмитрий

Иду, иду! Живее нам мазурку!

*Музыка. Танцы и песни. Шуйский и Голицын
входят.*

Василий Шуйский

(Дмитрию)

Великий царь, мятежника я видел

И опросил. И смех и горе с ним:
Дурак и пьян!

Голицын

Мотает головою
И языком лепечет, как спросонков;
Не разберешь. Глядеть и слушать дивно.

Василий Шуйский

И трезвый он умней того не будет,
Каков теперь. Вели его покликать,
Изволь взглянуть! Увидишь, что не стоит
И гнева он.

Дмитрий

Позвать его сюда!

Бучинский уходит.

Марина

Зови гостей ко мне, в мои покои,
Я приказала маски приготовить.

*Стража вводит дурака Ивана; он хохочет,
мотает головой и показывает на всех пальцами.*

Прогнать его!

Дмитрий
Освободить!

Дурака выводят.

А немцам,
За глупость их, постороже пригрозить!
Так вот чего, паны, вы испугались!..
Пойдемте все в царицыны покои;
Она своих гостей потешить хочет
Невиданной еще в Москве утехой.

(Марине.)

Краса моя, я счастлив бесконечно!
Моя любовь достигла торжества.
Она меня звездою путеводной
К величию и трону привела;
Безумную, кипучую отвагу
Вливала в грудь. И стала мне знакома
Безмерная та сила Александра
И Цезаря, которая героям
Владычество над миром даровала!
Ты, гордая красавица, просила
У бедного, бездомного скитальца
Венца себе. Тебя короновал я
И посадил царицей стран полночных.

Я сам сковал себе свое блаженство,
И тем оно дороже для меня!
Героем я рожден! Великой доле
И доблести завидовать лишь можно,
Отнять нельзя — отнимет только смерть!

*Все уходят за царицей, кроме Дмитрия и
Басманова.*

Дмитрий
(Басманову)

Голицына и Шуйского без шуму,
Когда пиры мы кончим, посадить
За приставы, всю их родню, знакомых
И близких им! Не подавай и виду:
Пусть думают, что мы не бережемся.
У них в глазах недоброе!

Басманов
Исполню!

СЦЕНА ШЕСТАЯ

ЛИЦА:

Дмитрий.

Басманов.

Шуйские, Василий и Дмитрий.

Голицын.

Куракин.

Татищев.

Молчанов.

Валуев и Воейков, дворяне.

Калачник.

Сотник стрелецкий.

Стрельцы; немецкая стража; народ.

Передняя зала с выходом на галерею в новом дворце.

(17 мая 1606 года)

Выходит Басманов.

Басманов

А солнце уж высоко поднялось!

Со свадьбой мы все время перебили,

Смотали с ног дворцовую прислугу;

Коморники встают позднее нас —
Ни одного в покоях.

Набат.

Ударяют!
Что рано так? Аль праздник где? Сегодня
Андроника, Стефана... Где-то близко...
Никак, набат? И то набат! Вот горе!
Пожар теперь — беда! Перепугает
Гостей у нас! Москва гореть горазда:
Как примется — и не уймешь, покуда
Не выгорит поболее половины.

Повсеместный набат.

По всем церквам. Ужасен звон набата,
Отрывистый и частый! За ударом
Гудит удар и обливает сердце
Томительной тоской перед бедою
Неведомой!

Дмитрий входит.

Дмитрий
Басманов, что такое?

Басманов

Должно, пожар.

Дмитрий

Поди узнай скорее.

Басманов уходит на галерею.

Басманов

(с галереи)

Бояре! Эй! Бояре!.. За набатом
Речей не слышно... Ась!.. Зачем в набат
Ударили?

Голос

(за сценой)

Горит неподалеку.

Басманов

Кричат: горит! а дыму не видать.

(Дмитрию.)

Никак, в Кремле! Чу! слышишь, зашумели,
Валят толпы народные.

Дмитрий

(у окна)

Разведай,

Куда бегут они, зачем, откуда?

Басманов уходит.

Не шум, а вопль несется. Нет, со страха

Не так шумят. Оружие! Угрозы!

Ужель мятеж? Ужель Басманов прав?

Ужели смерть и страшный суд так близко!

Застыла кровь, и каждый волос дыбом

Становится. Не страх ли то? О нет,

Не робок я; зачем же, против воли,

Прошедшее толпой теснится в грудь?

И юности моей бродячей годы

Встают теперь в моем воспоминанье,

Самборский пир и киевская келья,

Московский Кремль, народа ликование,

И битвы шум, и звон колоколов,

Венчание и, наконец, победа

Над гордостью красавицы любимой!

*Входит Басманов, десятка три немцев с
алебардами. Звон оружия и крики.*

Басманов

Ахти, беда! Спасайся, государь!
Я говорил не раз: ты мне не верил.

Дмитрий

Изменники, бояре, вы согнали
Во львиное гнездо овечье стадо!
Крамольники! Своими головами
Заплатите за кровь невинной черни.
Я с виселиц высоких вас заставлю
Пересчитать все жертвы мятежа!

Басманов

Беги скорей! Внизу дерутся немцы,
А этих здесь поставим у дверей.

Вбегает Молчанов.

Молчанов

Мятеж! Мятеж! Я кое-как пробился...
Москва идет на нас, купцы, бояре.

Дмитрий

Собрать скорей всех немцев и поляков
И верных нам стрельцов. Микулин где?

Молчанов

Пройти нельзя: все заняты ворота.

Дмитрий

Кто занял их? Басманов, не робей!

Молчанов

Мятежников, стрельцов новгородских,
Впустили в город ночью. Много их.

Дмитрий

Проклятые! Басманов, будем тверды!

Молчанов

И видимо-невидимо народу
Московского сошлось со всех сторон.

Дмитрий

А предводитель кто?

Молчанов

Василий Шуйский,
С крестом в одной руке, с мечом в другой.

Дмитрий

Коварным плут святыней прикрывает
Свой замысел, достой ими сатаны.
Подайте меч!

(Берет меч.)

Басманов

Мятеж во всем разгаре:
Там ад кипит! Куда ты, государь?
Остановись!

Дмитрий

Пусти меня, Басманов!
Я умереть хочу с мечом в руках.

(Выбегает на галерею.)

Зачем вы здесь? Крамольники, злодеи,
Изменники! Я вам не Годунов!
Поклонами холопскими, слезами
Укланяли его да умолили
На царство сесть, и сами же спихнули!
Не вы меня на царство посадили,
Я с бою взял его и вас, холопов.

Голоса

Руби его! — Стреляй! — Да бейте немцев.

Выстрелы.

Что их жалеть! — Чего они мешают!

*Дмитрий входит в комнату. Врывается
Осипов.*

Осипов

Проспался ль ты, безвременный царек?

Поди сюда! Покайся пред народом!

*Басманов бросается на него и убивает. На
галерее показываются Василий Шуйский и народ.*

Дмитрий

(бросается с мечом)

Тебя-то мне и нужно!

Василий Шуйский

Я не прячусь,

Я сам тебя ищу.

Дмитрий

Вам нужен Грозный!